

ОЛЕГ ПЕТРОВ

СИБИРИАДА

Донос
БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ



Сибириада

Олег Петров

Донос без срока давности

«ВЕЧЕ»

2022

Петров О. Г.

Донос без срока давности / О. Г. Петров — «ВЕЧЕ»,
2022 — (Сибиряда)

ISBN 978-5-4484-8793-4

Новый роман-хроника забайкальского писателя Олега Петрова прослеживает трагические судьбы забайкальцев, попавших в жернова сталинских репрессий в тридцатые годы прошлого века. Повествование основано на реальных событиях и фактах, подкреплено расширенными примечаниями и документами. Неожиданной оказывается взаимосвязь событий тех лет с сегодняшним днём, что также не является авторской фантазией. Петров Олег Георгиевич — член Союза писателей и Союза журналистов России. Дважды лауреат премии Федеральной службы безопасности Российской Федерации, премии губернатора Забайкальского края в области литературы. Награждён золотой медалью Василия Шукшина Союза писателей России.

ISBN 978-5-4484-8793-4

© Петров О. Г., 2022

© ВЕЧЕ, 2022

Содержание

Пролог	8
Глава первая. Кусмарцев, октябрь 1937 года	10
Глава вторая. Колычев, май 1930 года	22
Глава третья. Пластов, декабрь 1937 года	35
Глава четвёртая. Кусмарцев, февраль 1938 года	49
Глава пятая. Макаренко, май 1938 года	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Олег Петров

Донос без срока давности

© Петров О. Г., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2022

Сайт издательства www.veche.ru

* * *



ОЛЕГ ПЕТРОВ

Донос без срока давности

**Москва
«Вече»**

Произведение основано на реальных фактах.
Цитируемые в тексте документы подлинны, орфография сохранена.
Имена некоторых действующих лиц изменены по этическим соображениям.

*Памяти моих дедов и всех тех, кто попал в жернова политических
репрессий тридцатых годов прошлого века*

Пролог

«То был удар немого грома, беззвучной молнии рапира...» Примерно так обрисовалась ситуация, когда Андрей встретил Марину. Вот и не верь после этого в любовь с первого взгляда. Да ещё при полной взаимности.

Вместе с тем конфетно-букетный период любовных отношений растянулся почти на год. Лишь потом на стол в загсе легло заявление, и начались приятные предсвадебные хлопоты. Родители Марины к избраннику дочери, при наконец-то состоявшемся знакомстве Андрея с ними, отнеслись приветливо. Благосклонно встретили будущую жену сына и родители Андрея. Чинно и вполне по-родственному, как показалось Андрею, состоялось и обоюдное родительское знакомство, тем паче при общении выяснилось: отцы Андрея и Марины – из одного села! Нет, это точно судьба!

А вот дальше стали происходить какие-то необъяснимые вещи.

Накануне регистрации Марина пропала. Для Андрея пропала. Выяснил банальным способом: по телефону-автомату с помощью мимо проходящей девушки. Но даже телефонного разговора не получилось: услышав голос Андрея, Марина бросила трубку. Вчера приветливые родители невесты стойко и холодно, через дверь, пресекли его попытку встретиться с ней дома. Пришлось в буквальном смысле подкарауливать возлюбленную, часами наблюдая из скверика за подъездом. После нескольких вечеров бесплодных ожиданий встреча всё же состоялась, но ничего не прояснила, породив у Андрея ещё большее недоумение и кучу безответных вопросов. Марина плакала, вновь и вновь повторяя, что между ними всё кончено. Попытки Андрея докопаться до истинной причины столь категоричного поворота ни к чему не привели, разве что только усугубили выяснение отношений. Марина застерила – полился совершеннейший вздор: и характерами они не сошлись, и были у него за время их дружбы «низменные связи» на стороне, и вообще он – ненадёжный человек, чего она раньше не разглядела. Полнейший абсурд, породивший постыдный раздрай: вспылил и Андрей, тоже наговорил много обидного и злого.

Поостыв, он попытался пару дней спустя всё поправить: ну никак не получалось убедить себя, что он и Марина – это всё в прошлом. И – усугубил всё до крайности. Попытку примирения Марина восприняла как стопроцентное признание Андреем всех предъявленных ему обвинений и заложенных в нём пороков. В каком-то необъяснимом исступлении, больше похожем на отчаяние, она повторяла весь этот бред, плакала, а потом и вовсе вскочила со скамейки и убежала. В общем, полный финиш.

Неожиданной и странной для Андрея оказалась и реакция родителей на происшедшее. Ждал упрёков: свадебные хлопоты остановлены, как говорится, за полчаса до весны, вылились в определённые издержки, не столько материальные, сколько, при родительском честолюбии, моральные: «Ах, что люди подумают!...» И т. д. и т. п. А упрёков не последовало. Мать даже повеселела, приговаривая: «Ничего... Встретится, Андрюшенька, тебе ещё хорошая девушка, какие твои годы... Ничего...» Отец выдал и вовсе на него непохожее: «Всё, что ни делается – к лучшему». Да, реакция удивила, но из-за затопившей скомканности мыслей и чувств Андрей совершенно не заметил, что родительское спокойствие даже не спокойствие, а какое-то облегчение.

Он попытался с головой уйти в работу, в чём и начальство помогло, ведь, как известно, на тех, кто больше впрягается, больше и возят. Время текло, тем более как-то так выходило, что с Мариной они даже случайно не пересекались. Однако ни время, ни работа не избавляли от неотступного, мучительного: «Ну почему?!», которое растворило без осадка всю уязвлённость самолюбия, все попытки отыскать в отвергнувшей его избраннице роковые недостатки. Ответа не было, как ни просеивал Андрей по крупницам каждый его и Марины день, каждый

разговор, как ни копался в себе самым беспощадным образом. Это уже смахивало на паранойю. Благо, так считал сам Андрей – какой же псих объявит себя психом! – а не «волшебники в белых халатах». Однако чем бы он ни занимался, избавиться от этого гнетущего и безответного «почему» не получалось.

Глава первая. Кусмарцев, октябрь 1937 года

Материалами следствия по делам антисоветских формирований устанавливается, что в деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпосёлков... Как установлено, все эти антисоветские элементы являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности...

В соответствии с этим ПРИКАЗЫВАЮ – с 5 августа 1937 года во всех республиках, краях и областях начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников...

Из оперативного приказа НКВД СССР от 30 июля 1937 года № 00447

– С возвращением, так сказать, товарищ Кусмарцев... – Таким свинцовым взглядом установился начальник управления на Григория, что вмиг захотелось из начальственного кабинета испариться и хватить полстакана водки, но игранул желваками и вытянулся в струнку:

– Спасибо, товарищ майор государственной безопасности![1]¹

– Семья ещё в Иркутске?

– Так точно.

– И что, на два города жить собрался?

– Никак нет! С квартирой обустроюсь – сразу же перевезу.

– Квартиру мы тебе немного погодя выделим. Двое детей у тебя?

– Так точно!

– Горло не дерь, не на строевом смотре, – поморщился начальник. – Принимай отделение и без раскочки в работу – дел не впрокорот. С приказом по кулакам ознакомлен?[2] Подробные инструкции получишь у начальника отдела капитана Врачёва. Возглавишь один из зональных оперативных секторов. Задача понятна? Свободен.

Когда за Кусмарцевым закрылись двери, начальник Управления НКВД по Читинской области майор госбезопасности Хорхорин снова пододвинул к себе личное дело назначенца из Иркутска. С двадцать первого года в ЧК, правда, был двухгодичный перерыв, с двадцать четвёртого, пишут, по болезни. Хорхорин хмыкнул: болезнь, скорее всего, известная – горло заливал не в меру. Но в органах восстановили, даже, ишь, до старшего уполномоченного секретно-политического отдела ОГПУ по Нижне-Волжскому краю в тридцатом году добрался. Но, видимо, с бутылочкой дружить не перестал, а может, ещё каких хвостов понаделал, иначе бы не сослали в тридцать втором в Читинский оперсектор простым уполномоченным. Это, получается, он ещё Бухбанда застал, пережил Бельского и Южного, а на Петросьяне, стало быть, спалился.

Хорхорин пробежал глазами строчки послужного списка Кусмарцева: в 1932-м из уполномоченных назначен начальником отделения, через полгода – начальником СПО оперсектора, а в июле 1935-го как «не справившийся с работой» с должности снят, переведён в Иркутск рядовым оперуполномоченным. Однако встряска, снова хмыкнул Хорхорин, явно подействовала: в нынешнем мае назначили начальником отделения. Но вот почему же в Иркутске не оставили? Ладно, поглядим, что за фрукт...

Начальник управления захлопнул папку, привычно завязал тесёмки. Эх, Петросьян, Петросьян...[3] Не зря после назначения в апреле 1937-го начальником УНКВД Восточно-Сибирской области старший майор госбезопасности Лупекин уже в первых числах мая устроил

¹ Здесь и далее цифрами в квадратных скобках указаны сноски на раздел «Документы и примечания»

Петросьяну вздрючку и потребовал исполнения директив НКВД по усилению репрессивных действий. И что? Всего-то и арестовал предшественник чуть больше четырёх сотен – Хорхорин презрительно скривился: мизер! А в июле самого загребли. И предъявили ни много ни мало участие в правотроцкистском блоке и антигосударственном заговоре в рядах НКВД, во главе которого оказался сам бывший нарком Ягода. Сидят нынче дорогой Хорен Самвелович и его патрон Енох Гершенович[4] в московской Бутырке и, конечно, ожидают справедливости. Дурачье...

В приёмной, не обращая внимания на прищурившегося от любопытства секретаря, Кусмарцев ладонью стёр испарину со лба, разогнал влажными пальцами складки гимнастёрки под ремнём и гулко зашагал по скрипучему паркету к капитану Врачёву. Из новой команды начальник четвёртого отдела. Как и Лупекин в Иркутске, Хорхорин за собой своих ребят привёз, расставил на ключевые должности – Крылова, Каменева, Врачёва... С этими ухо надо держать востро. Хотя с кем уж тут расслабишься! Старые знакомцы тоже ещё те субчики. Кто-то позубоскалит, дескать, «второе явление Христа народу», ну а с кем раньше по службе зубатиться доводилось – у этих не заржавеет подножку подставить. Те же Чепенко с Чуксиным.

Григорий вспомнил, как в феврале столкнулся в поезде с этой парочкой. Ехал в командировку в посёлок Свободный – сопровождал начальника Транспортного отдела ГУГБ наркомата. Понятно, читинцам обрадовался. Сели, раздавили бутылочку в общей компашке, побалагурили. Они раньше сошли, распрощались-то по-товарищески. А через полмесяца его, Григория, начальство за горло взяло: дескать, что же ты, гад, напился в поезде да хвалился, что тебя на закордонную работу направляют? Служебную проверку по факту затеяли – целый старший лейтенант Бенинсон полное следствие учинил. И чем всё закончилось? Ничего не подтвердилось. Хорошо, что московского гостя не один сопровождал. Но нервы помотали. А кляузникам – ничего, всё с рук сошло. Один в инспекторах при начальнике управления ходит, другой – оперуполномочит, лярва! Григорий скрипнул зубами. Второе явление... Припомнилось и первое.

В тридцать втором его, старшего опера Нижне-Волжского краевого отдела ОГПУ, сунули с понижением в забайкальские тьмутаракани. Хотя ещё легко отделался после очередного запоя. Могли и вовсе из органов наладить. Благо, бутылка бутылкой, зато рвения в работе – хоть отбавляй. Но строгач в учётную партийную карточку заработал.

В Чите горло узлом завязал – работа, работа и работа! А круговерть ещё та! Начальник оперсектора Бухбанд[5], заступивший на должность в июле тридцатого, гордо сверкая орденом Красного Знамени и нагрудным знаком «Почётный работник ВЧК – ГПУ» на груди, демонстративно щёлкая крышкой золотых часов, украшенных надписью «За беспощадную борьбу с контрреволюцией от Коллегии ОГПУ 1930 г.», отличался таким чекистским рвением, что у подчинённых гимнастёрки заворачивались.

Поговаривали, что перевели его в Читу после большого скандала в Таганроге: пересажал чуть ли не всю городскую верхушку, обвинив в распутстве, пьянстве и беззастенчивом использовании лимитов на дефицитные продукты и товары, и даже якобы довёл кого-то там из чинуш до самоубийства. От скандала Бухбанд убрали в начальники Особого отдела 13-й Дагестанской дивизии, а через год... повысили, назначив начальником секретно-оперативного управления Полномочного представительства ОГПУ по Средне-Волжскому краю. В общем, ударно работал товарищ Бухбанд над повышением показателей раскрытия всякой контры.

Вот и в Чите с ходу взял быка за рога. Уже осенью тридцатого Читинским оперсектором была «раскрыта» массовая «контрреволюционная клерикально-монархическая организация» во главе с архиепископом Евсеием, в миру Е. П. Рождественским. В камерах Читинской тюрьмы и подвалах оперсектора ГПУ оказались 238 арестантов – от настоятеля Читинской Михайло-Архангельской церкви протоиерея И. Н. Иванова, настоятеля Нерчинского Воскресенского собора А. К. Литвинцева и других священнослужителей до бывших местных цар-

ских чиновников и предпринимателей. Кто-то из них, как, например, протоиерей Николай Любомудров, действительно не скрывал своих монархических убеждений, но большинство ни в какую «политику» не лезли – жизнь научила. Однако же Забайкальская епархия по сути была разгромлена. Попали под жернова и совершенно далёкие от «клерикальных монархистов» люди, взять того же Григорьева, бывшего начальника Читинской тюрьмы, – за свою богомольную жену поплатился, хотя обвинить его в политической неблагонадёжности мог только законченный идиот[6].

Человек редкой подозрительности, всюду видевший вражью руку, Бухбанд создал и среди сотрудников гнетущую атмосферу взаимного недоверия и стукачества. И неизвестно, как бы сложилась судьба Кусмарцева, между делом любившего позубоскалить, если бы в конце апреля 1932-го Бухбанд не отозвали в Москву: бросили на укрепление исправительно-трудовой системы в Средне-Азиатское управление, а через год назначили начальником СЛОНа – Соловецкого управления исправительно-трудовых лагерей ОГПУ, а проще – Соловецкого лагеря особого назначения. Запустили щуку в реку на погибель карасям...

А вот Максим Натанович Бельский[7], в 1931 году переведённый из Москвы в Читу в качестве помощника начальника, а потом сменивший Бухбанд на посту начоперсектора, активность Григория оценил, доверил руководить отделением, а через полгода поставил на отдел. В общем, пошёл Кусмарцев на взлёт.

Вполне удобно работалось и со сменившим Бельского через полтора года Семёном Григорьевичем Южным[8], прибывшим из Гомеля в начале августа 1933 года. Хотя катавасия ещё та закрутилась: в марте тридцать четвёртого в составе Восточно-Сибирского края для чего-то выделили Читинскую область, из 22 районов со столицей в Чите. Просуществовало новое образование недолго, до конца года, но организационной неразберихи и бумажных дел хватило всем. Благо, структура и штаты оперсектора незначительно поменялись при его превращении в областной отдел Полномочного представительства ОГПУ СССР по Восточно-Сибирскому краю, но все эти переназначения сотрудников, изготовление новых бланков, печатей, учётной документации... В июле отдел переименовали в областное управление НКВД, а в декабре – снова в Читинский оперсектор. В разгар канцелярской лихорадки, в сентябре, Южного перевели в Барнаул, а ему на смену прислали Петросьяна, немногословного армянина неполных тридцати пяти лет, доселе птицу важную: направлен в Читу с должности председателя ГПУ Туркмении, орденосеца. Явное понижение, о причинах которого можно только догадываться. Впрочем, какая разница!

Чехарда с начальниками больше всего раздражала Кусмарцева, да и не только его. Любому новому начальству опять надо показывать свою повышенную полезность. А куда деваться...

Вскоре стало очевидным: Хорен Самвелович Петросьян явно не вписывается в обойму рьяных карьеристов, избегающих по служебной лестнице через головы сослуживцев – через активное участие в нарастающих репрессивных действиях. К такому выводу местная чекистская братия пришла после оглушающего известия из Ленинграда: 1 декабря убит Киров! Да не где-то – возле собственного кабинета на третьем этаже тщательно охраняемого Смольного.

– Убийца задержан на месте преступления. Подлю выстрелив товарищу Кирову в спину, пытался сам застрелиться, да так у гадёныша ручки тряслись, что промахнулся. И в обморок грохнулся, как институтка! – гневно излагал подробности случившегося, зачитывая полученную шифрограмму, начальник оперсектора. Экстренно собранное оперативное совещание гудело.

– Личность установлена? – раздался вопрос из зала.

– Некто Николаев, безработный, ранее был сотрудником Института истории партии Ленинградского обкома ВКП(б). В прошлом году уволен за отказ ехать на работу на периферию, был исключён из партии...

– Да как же такая гнида в Смольный-то пролезла?

– Полагаю, что прошёл вполне легально. – Петросьян пробежал глазами ещё несколько строк шифрограммы. – В партии его восстановили с объявлением строгого выговора, а по предъявлении партбилета, как известно, в здания партийных органов вход свободный.

В зале хмыкнули. Петросьян понял, что ляпнул глупость, и нехотя зачитал: «Супруга Николаева, Драуле Мильда Петровна, 1901 года рождения, из семьи латышских батраков, член РКП(б) – ВКП(б) с 1919 года, замужем за Николаевым с 1925 года. До 1933 года работала в Ленинградском обкоме ВКП(б), в настоящее время – сотрудница аппарата уполномоченного Наркомата лёгкой промышленности по Ленинградской области»...

– Понятно... Примелькался, видимо, там этот Николаев, к супружнице шастая. Подкармливала своего безработного в обкомовской столовке... – ехидно прокомментировал кто-то.

– Но на хрена этот урод в Сергея Мироныча стрелял?

– Это его руками стреляли! – не выдержал Кусмарцев. – Происки контры налицо, как пить дать!

– Ну, тебе, Жора, видней насчёт «как пить»... – поддел, дыхнув в затылок, коллега, начальник учётно-статистического отдела Панкин: «узел на горле» Кусмарцев заметно приослабил, возглавив СПО.

– Товарищи! Начальник Главного управления государственной безопасности товарищ Ягода Генрих Григорьевич требует от нас полной мобилизации бдительности. – Петросьян для убедительности потряс листком шифрограммы и зачитал ещё пару строк:

– «...не исключено, что совершённое тяжкое преступление является одним из звеньев широкомасштабного контрреволюционного заговора»...

– А я что говорю! – оживился Кусмарцев.

– Не будем делать поспешных выводов, товарищи, – сказал Петросьян. – Думаю, что такая версия возникла из-за драматизма случившегося. Такая потеря для партии, для всех советских людей... А что касается контрреволюции... Семнадцать лет борьбы, убеждён, позволяют сегодня нам говорить о том, что база контрреволюции в СССР практически уничтожена...

С совещания Григорий вышел недовольным. Не понравились ему выводы нового начальника. Не из-за этого ли благодушия с большой должности скинули? С гнильцой начальничек-то...

Шли дни. И они подтверждали догадки Григория Кусмарцева. Раскручивающееся в Ленинграде уголовное дело выявило наличие подпольной контрреволюционной организации, обозначенной следствием как «Ленинградский центр». Насколько ситуация оказалась серьёзной, убеждал тот факт, что во главе расследования Сталин поставил не Ягоду, а Ежова, заместителя председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). А вскоре дело «Ленинградского центра» переклестнулось с так называемым «Кремлёвским делом»: ряд служащих кремлёвской комендатуры были обвинены в создании нелегальной антисоветской организации и подготовке покушения на самого Сталина!

– Выжигать всю эту белую сволочь до пепла! – витийствовал на совещании отдела Кусмарцев. – Убеждён: по всей стране корни пустили! Думаете, у нас эта плесень не появилась?! Как бы не так! И у нас эти твари – к маме не ходи! – обязательно имеются. Имеются! Это мы бдительность притупили. Мало ли кто говорит, что в стране база контрреволюции уничтожена... – Намёк начальника СПО был куда более очевиден. – Может, где-то картина и приглядна, но только не у нас. Сколько ещё выкормышей атамана Семёнова и его прихвостней по углам и щелям таится, а? – Кусмарцев обвёл подчинённых яростным взглядом и рубанул кулаком воздух. – Рыть контру! Днём и ночью рыть!

Да уж как не рыть, когда из Москвы и Ленинграда валом шли новые и новые разоблачения. Зазвучали громкие фамилии причастных, по мнению следствия, к антисоветскому заговору: Троцкий, Зиновьев, Каменев, Енукидзе, Чернявский (из Разведупра РККА)...

Подвалы забайкальской Лубянки тоже затрещали от арестованных.

– Ты что творишь?! – Начальник оперсектора хлопнул ладонью по внушительной стопе уголовных дел, которые ему на утверждение передал накануне Кусмарцев. – Тут же всё за уши притянуто! Зуботычинами добыто! Бред собачий, а не обвинительные заключения! Даже с протоколами допросов не стыкуются! Так усердно кулаками машете и строчите бумаги, что и перечитать сляпанное не удосуживаетесь... Забирай свою макулатуру! Переделать и привести в удобоваримый вид. Уйди с глаз моих!..

– Оставляю за собой право доложить в вышестоящую инстанцию! – бухнул Кусмарцев.

– Вон оно как... – протянул Петросьян. – Ну-ну... Валяй! А я уж своими правами воспользуюсь.

И воспользовался. Вызвал проверяющих из Москвы. Выводы комиссии Григорию – как обухом по голове: с занимаемой должности снять как «не справившегося с работой», перевести оперуполномоченным в... Иркутск!

Только в мае тридцать седьмого вновь приподнялся Григорий: назначили начальником отделения контрразведывательного отдела. И куда вся унылость подевалась! Тем паче новое иркутское начальство само на всех парусах летело по волнам рьяного выявления вражеского элемента. «Восточно-Сибирская правда» взмахнула расхваливала назначенного в апреле тридцать седьмого начальником УНКВД по ВСО старшего майора госбезопасности Лупекина[9], бывшего наркома внутренних дел Башкирской АССР: «...Вскрывает и тщательно до конца выкорчёвывает правотроцкистских диверсантов и шпионов, агентов фашизма, пытавшихся продать трудящихся Восточно-Сибирской области в рабство японско-германскому фашизму». В общем, под стать генеральному комиссару государственной безопасности Николаю Ивановичу Ежову, которого «за выдающиеся успехи в деле руководства органами НКВД по выполнению правительственных заданий» в июле 1937 года наградили орденом Ленина.

И вот тут-то – ох, как не к месту! – опять затеяли наверху большие административные реформы: председатель ЦИК СССР Калинин подписал постановление о разделе Восточно-Сибирской области на Иркутскую и Читинскую.

Важнейшей из причин этой реформы, как смекал Кусмарцев, были националистические поползновения среди населения Бурят-Монгольской АССР. С одной стороны, хватало сторонников усиления автономии, с другой – никак не уживались меж собой так называемые крещёные буряты, в основной массе проживающие в Аларском, Боханском, Эхирит-Булагатском, Ольхонском аймаках республики, и буряты буддистского вероисповедания из Агинского и Улан-Ононского аймаков. Вот и решила мудрая Москва отщипнуть от АССР эти территории и создать пару анклавов: в Иркутской области – в виде Усть-Ордынского Бурятского национального округа, в Читинской – Агинского. Оба округа с автономной бурятской республикой соприкасающихся территорий не имели.

Но это всё – большая государственная политика, которая Григория мало занимала. Куда больше заботила реорганизация «конторы»: Управление НКВД по ВСО тоже разделили на два соответствующих областных. В Иркутске развернулась новая волна кадровой чистки, которой ещё с апреля занималась приехавшая с Лупекиным команда: старшие лейтенанты госбезопасности Сарычев и Троицкий, а с ними ещё с десятков лейтенантов, в том числе и бабского полу. Собственно, под свои задницы чистили лупекинцы начальственные кресла.

Особенно старались волчицы – этим двери в кабинет старшего майора всегда настежь. А баба, она же, известно, на эмоциях да завидучести, как опара на дрожжах, замешена: кто с рожи не приглянется, тому и служебное рвение не поможет, а уж ежели какой грешок раскопает – до вселенского пожара раздует. Такая стервоза не коня – табун на скаку остановит, но в горящую избу не полезет – сама кого угодно туда запихнёт, не поморщится... Лупекинским бабам Григорий, при всей своей ретивости по службе, не приглянулся – лебезил недостаточно. Одна лейтенантша на него глаз положила, но решил не рисковать, мало ли что у неё на уме...

И вскоре Лупекин вызвал Кусмарцева.

– Направляетесь в Читу, – без предисловий «обрадовал» начальник. – Должность равноценная – возглавите отделение секретно-политического отдела управления госбезопасности².

«Бл...ский род! – только и мелькнуло в голове. – Даже снаряд дважды в одну воронку не падает... Спасибо, хоть в милицию не затолкали...» Возвращаться в Читу не хотелось. На службе в городе на Ангаре вполне пообтёрся, неплохую агентурную сеть наладил, по контре задел имеется. И семья неплохо обустроилась: дети в школе пообвыкли, у жены с работой полный порядок. И сам город – не чета Чите. Сморщился от невесёлого каламбура. Да уж... куда бы, только не в Читу – многих в тамошнем управлении глаза бы не видели. Хотя и там небось кадровые перемены – тоже ведь нового начальника назначили вместо Петросьяна, поганца. А новый конечно же, как и Лупекин, обязательно своих людишек подтянет.

Григорий тяжело вздохнул. Как не надоело приспосабливаться, но в новую команду надо влиться, чтобы петросьяновские выкормыши подзаткнулись, а то и при случае взять кое-кого за хобот...

Так состоялось возвращение в Читу осенью 1937 года лейтенанта госбезопасности Григория Кусмарцева, ныне начальника 3-го отделения 4-го отдела Управления государственной безопасности УНКВД по Читинской области.

Начальник отдела капитан госбезопасности Врачёв Григорию не понравился. Руки не подал, разговаривает через губу, вальяжен. Постукивает мундштуком папиросы «Герцеговина Флор» о чёрно-зелёную коробку. Позёр, хмыкнул про себя Григорий, вождю подражает. А ещё... Может, первое впечатление и ошибочно, но прямо-таки тянуло от Врачёва осязаемой опасностью. Это как на змею смотришь – свернулась в террариуме за толстым стеклом, а страх от взгляда на неё за шиворот так и ползёт.

Врачёв без предисловий очертил круг обязанностей:

– Основные усилия управления сейчас сосредоточены на исполнении приказа два ноля четыреста сорок семь. Территория области разделена на оперативные сектора. Ваше отделение отрабатывает Читинский и Улётовский районы. Это ваш сектор. Назначаетесь начальником оперативной группы. Несёте полную ответственность за организацию и проведение операции на территории сектора. Выявить всё недобитое кулачье и прочую шушеру, подпадающую под санкции приказа.

Врачёв зашелестел бумагами, вытянул из стопки сводку главка.

– Лимит нам выделен не такой уж большой – четыре с половиной тысячи. Вроде бы идём неплохо по арестам кулачья – вровень с иркутянами: они к трём тысячам подбираются и мы тоже. Но вот дальше... – Врачёв с раздражением ткнул указательным пальцем в машинописные строки. – А дальше полная чухня! На рассмотрение тройки законченных дел представлен мизер! У соседей счёт на сотни, а у нас – жалкие десятки. Затягиваем следственные мероприятия! А в приказе товарища Ежова что сказано? – Начальник отдела потянул из раскрытого несгораемого шкафа брошюрку с приказом, раскрыл в заложенном обрывком бумажки месте и с расстановкой зачитал: – «Следствие проводится ускоренно и в упрощённом порядке».

Пристукнул брошюрой по настольному стеклу.

– Ускоренно! А наши гаврики сопли жуют! Вот чем, Кусмарцев, надо озаботиться в первую очередь. Закрутить машину следствия на полную катушку. Все полномочия даны. – И Врачёв снова, явно для Григория, вперился глазами в текст приказа. – Вот пункт пятый третьего раздела: «На начальников оперативных групп возложить руководство учётом и выявлением подлежащих репрессированию, руководство следствием, утверждение обвинительных заключений и приведение приговоров троек в исполнение». Так что давай, Кусмарцев, – впе-

² Областные и краевые управления НКВД делились на два управления: государственной безопасности (УГБ) и рабоче-крестьянской милиции (УРКМ).

рѣд и с песней. Принимай дела у младшего лейтенанта Павлюченко, заодно можешь ему хвоста накрутить за черепашьи темпы. Короче, давай, без раскачки, работай на результат! Вопросы?

Уж какие тут вопросы. Григорий подался прочь, протопал коридором до кабинетов СПО, потянул на себя высокую дверь первого. Из-за стола вскочил белобрысый крепыш лет двадцати пяти.

– Представьтесь. – Оглядел крепыша с головы до ног.

– Сержант госбезопасности Филиппов, оперуполномоченный третьего отделения. Здравия желаю...

– Мой кадр, стало быть... – буркнул Григорий. – Как там тебя по имени?

– Иван.

– Вот что, Иван. Проводи-ка меня в кабинет начальника отделения.

– Это вот как раз соседний, товарищ лейтенант.

– Ну, показывай.

Сержант выжидательно посмотрел на Григория, тот, усмехнувшись, отступил в коридор. Филиппов выбежал следом и просеменил к кабинету справа, показал на торчащий из замка ключ с жестяной биркой.

– Значица так, Иван. Через полчаса... – Кусмарцев, отвернув рукав гимнастёрки, глянул на часы, – наличный состав отделения ко мне в кабинет, со списком. Знакомиться будем.

Знакомство много времени не заняло. Налицо четверо сотрудников, остальные – в командировках. И Григорий сразу перешёл к делу, благо полчаса на подготовку ему хватило:

– Начальником управления поставлена задача активизировать работу по недобитому кулачью. Я уже ознакомился с цифирью – вяло работаем! Или уже подзабыли, что в двадцать девятом и тридцатом году творилось? А я напомним. Вот в учётном справочку поднял:

«Карымский район. Ноябрь двадцать девятого. Бандформирование Красильникова из крестьян сел Тыргетуй, Малая Тура, Аргалей, Жимбира, Маяки. Арестовано двести тридцать семь человек, к уголовной ответственности привлечено сто восемьдесят два участника восстания. Тройкой Полномочного представителя ОГПУ Дальне-Восточного края главари приговорены к расстрелу, остальные к заключению в ИТЛ на сроки до десяти лет...

Малетинский район. Март тысяча девятьсот тридцатого. Ликвидированы повстанческие группировки в селах Малета и Бичура, однако в ночь на второе марта бандиты захватили село Малый Куналей, расправились с активом и милиционерами, а третьего числа вступили в село Поселье, где также учинили расправу над советским активом, а затем захватили села Красный Яр и Буй, убив в них членов коммуны. За время восстания только в четырех селах бандитами убито двадцать шесть человек. По сведениям с мест, в бандформированиях насчитывалось до шестисот итыков. Решающий разгром группировки повстанцев численностью в четыре сотни состоялся в селе Буй. По постановлению Тройки ПП ОГПУ ДВК расстреляно одиннадцать зачинщиков восстания, тридцать три приговорены к десяти годам ИТЛ, к лишению свободы на срок от восьми до двух лет – пятьдесят два, еще тридцать восемь – к условным срокам и принудительным работам, пятнадцать семей выслано на поселение в Николаевск-на-Амуре...»

– Дальше читать? – Поднял глаза на подчинённых. – А ведь это тогда только самых ярых прищучили. Остальные затихарились по своим улусам, некоторые небось до сих пор по заимкам и прочим медвежьим углам отсиживают. Да и те, кого прищучили... Советская власть, она же добрая! Из той же малетинской сволочи тридцати четырёх приговорённым к расстрелу высшую меру заменили на десятку лагерей. А условники, а просто сосланные, а те, кого вообще простили? Мы-то их простили, а вот они нас... Как ненавидели, так и ненавидят! Обостряется не на шутку классовая борьба, как точно подметил товарищ Сталин. И приказ наркома по кулачеству появился, сами понимаете, не от хорошей жизни. Да что я тут вам ликбез разводить буду – не маленькие.

Помолчав и с удовольствием вслушиваясь, как осторожно переводят дух собравшиеся в кабинете, Григорий обвёл их тягучим, немигающим взглядом. Знал, как от такого взгляда цепенеет допрашиваемый. Вообще держать при допросе паузу очень полезно. И при накачке подчинённых тоже полезно. Ишь, глазёнки под стол уводят. Ничего, взбодрим...

– Надеюсь, оперативный приказ два ноля четырёхста сорок семь знаете назубок? Как понимаешь главную задачу момента, Филиппов? – уставился на сержанта-крепыша Григорий.

– Ликвидировать кулачество как класс! – вскочив, оттарабанил Филиппов.

– Спишь небось на политподготовке, – усмехнулся Кусмарцев. – Кулачество как класс ещё в конце двадцатых пузыри пустило. А вот недобитки остались. В ба-альшом количестве! Что это для нас в условиях вражеского окружения? Пятая колонна – вот что! Испанские события каждого должны научить. Буржуи со всех сторон оружием бряцают. Немчура пол-Европы подмяла, японцы не отстают. Так что с контрой надо кончать решительно, беспощадно и быстро. Пока же начальник отдела оценивает наши темпы как черепашины. Разумеете, чем это пахнет? Приказ введён в действие по области с пятнадцатого августа, а ныне на дворе октябрь. Вот и кумекайте...

Григорий откинулся в кресле и снова тягуче прошёлся взглядом по подчинённым.

– Перейдём к конкретике. Что у нас в разработке?

Слушал доклады, листал следственные дела, задавал вопросы по сути. Взмокшие от начальственной вьедливости сотрудники, отчитавшись, один за другим покидали кабинет с нескрываемым облегчением.

За окном уже окончательно стемнело, когда Григорий остался наедине с временно исполнявшим до него обязанности начальника отделения младшим лейтенантом Павлюченко. Уже ознакомившись с пачкой следственных материалов, которые докладывал оперуполномоченный, Григорий вдруг поймал себя на том, что пропустил в докладе Павлюченко по одному из дел какую-то знакомую деталь. А вот что?

– Оставь-ка ты мне свои бумаги, – проговорил, потирая лоб, Григорий. – Который уж час сидим, башка совершенно не варит. Иди отдыхай. Завтра домаракуем.

Но после ухода Павлюченко Григорий разжился у дежурного стаканом обжигающего крепкого чаю и снова принялся листать следственные дела. Не скоро, но – нашёл! Зацепка обнаружилась в деле № 09568 – знакомая фамилия! Стерхов!

«Информатор “Взрывник” сообщает, что 23 октября с.г. по прежнему местожительству в селе Новая Кука, Читинского района, Читинской области, замечен кулак ПЛАСТОВ Иннокентий Илларионович, 1896 г. рождения, уроженец вышеназванного поселения, раскулачен в 1929 г., осуждённый в 1930 г. к 8 годам лагерей. Утром следующего дня убыл в неизвестном направлении со своей семьёй в количестве 4 человек.

Согласно справке учетно-регр. отдела УНКВД по ЧО, ПЛАСТОВ И.И. 26 ноября 1930 г. осуждён в составе преступной группы по ст. 58–2 УК (состоял в к/р повст. банде Стерхова К. М.) к 8 годам заключения в концлагерь, считая срок с 16/V-30 года (сл. дело № 2298). Сведений о сокращении срока наказания не имеется. Ранее судился по хлебозаготовкам два раза: за невыполнение обложения хлебом к 4 м-цам принуд. работ; за семфонд – к 1 1/2 года принуд. работ, но приговор отменен».

Кусмарцев, скептически сморщившись, отодвинул папку с делом. Рутина! А чего другого ожидал? Воскресения двурушника? Фамилию Стерхова помнил по нашумевшему делу архиепископа Евсевия Рождественского. Чрезвычайно кичился в своё время Бухбанд этим делом, на всех совещаниях не забывал упомянуть в качестве примера оперативной работы. Только, откровенно говоря, хвалиться-то было нечем. Двум субчикам, завербованным в агенты, одним из которых Стерхов и был, поручили создать фиктивную контрреволюционную группу, а они попытались заняться контрреволюцией всерьёз, получая при этом денежки от ОГПУ и попутно из-за кордона. Поистине, ласковый телёнок двух мамок сосёт, усмехнулся Григорий. «Вообще,

надо бы это дело тридцатого года глянуть, – подумал, зажимая в зубах мундштук папиросы, – что это за история и не тянутся ли оттуда какие-нибудь ниточки...»

Откинулся на спинку кресла, заведя руки за шею, потянулся всем телом. «Да-а... Ниточки – это бы здорово. Накрыть бы не просто беглого кулака, а контрреволюционную шайку. Заработал бы себе неплохие очки. Что очень бы кстати, так сказать, с места в карьер, а то некоторые думают, что в Читу из Иркутска за тамошней бесполезностью сослали...»

Наутро затребовал из архива дело № 2298. Содержание разочаровало. Никаких ниточек. Но другой интересный момент выявился. Приехали, стало быть, в Новую Куку два вербовщика-контрика. Предложили Пластову в повстанческую организацию Стерхова вступить. Тот им ни да ни нет – подумать пообещал. А один из вербовщиков – личность не простая. Эмиссар из-за кордона. По всему, белогвардейская офицерская сволочь. И как показывает на допросе Пластов, узнал этот закордонный гость на фотографии приятеля и родственника Пластова, некоего Колычева. Да не просто узнал, а охарактеризовал как знающего подрывное дело. Пластов, в свою очередь, заверил, что к этому Колычеву тоже можно обратиться. Но в тот раз, по причине спешки, закордонный эмиссар со своим знакомым не встретился. А Пластов Колычеву про всё это рассказал. Но вот какое удивительное дело: в протоколе допроса эти факты зафиксированы, а из остальных бумаг фамилия Колычева исчезает. Занятно... Пластову за один разговор с вербовщиками восемь лет впаяли, а Колычева никаким боком не зацепили. «Постой-ка, постой! – зашелестел бумагами Григорий в тощей папке дела № 09568, отыскивая агентурное сообщение. – Ага, информатор “Взрывник”... Так это, по всей видимости, Колычев и есть! Скучная фантазия была у опера, мог бы новому агенту погремуху пооригинальнее придумать. И с агентурной конспирацией никудышно – дело-то надо было полностью подчистить, а то неувязочка в глаза бросается: у Колычева выявлена некая связь с закордонным гостем, но до этого следствию дела нет!.. Хотя это и к лучшему. В розыске беглеца Пластова поможет. Ишь, за домочадцами прикатил. Стало быть, уже где-то обустроился. Да и без боязни в родном селе объявился, хотя конечно же понимал, что обязательно там засветится. На деревне не спрячешься, вопросы у односельчан возникнут: получил восемь лет, ещё минимум полгода сидеть, а на свободе шастает. Срок сократили или сбёг? Значит, помимо всего прочего, документки себе какие-то выправил».

Кусмарцев вызвал Павлюченко:

– Вот что. Направь-ка ты в Новую Куку человека. Нам для справки на арест, как того приказ по кулакам требует, надо собрать подробные установочные данные и возможные компроматериалы на этого Пластова. Я вот тут архивное дело полистал и одного, – Григорий усмехнулся, – словоохотливого родственничка-друга Пластова выявил. Некий Колычев Георгий Иванович. Думаю, побеседовать с ним будет полезно.

– Вас понял, Григорий Павлович. Если разрешите – сам туда съезжу.

– Самолично, значит, хочется... Ну, давай. Я не против.

Через сутки Павлюченко появился в кабинете Григория в самом начале рабочего дня. Сияющая физиономия подчинённого говорила сама за себя.

– Есть, Григорий Павлович!

– Что есть?

– Известно, где Пластов нынче обитает!

– Ну, рассказывай.

– Вот, значит... – Павлюченко зашелестел страничками блокнота. – Проживает он в посёлке Красный Яр Шишкинского сельсовета Читинского района. Это лесозаготовительный участок Читинского лестреста. А в Новую Куку приезжал за семьёй. Он, как оказалось, появился в селе не впервой. Ещё в прошлом году домой наведывался, и не раз.

– Откуда известно?

– Опросил соседей и этого самого Колычева.

– Красота! – стукнул кулаком по столу Кусмарцев. – Беглое кулачье свободно разъезжает, и никому нет до этого никакого дела! А что этот Колычев? Знал?

– Знал. Но говорит: посчитал, что освободили Пластова досрочно. Только... Может, мне, Григорий Павлович, показалось, но вот такое чувство, что чего-то этот Колычев недоговаривает. Ей-богу! Темнит.

– Павлюченко, ты в партии состоишь?

– С двадцать восьмого года... – озадаченный неожиданным вопросом, не сразу ответил подчинённый.

– А чего Богом клянёшься?

– Богом... А... Да это ж к слову, как присказка.

– Мы с тобой не сказками занимаемся, – сурово заметил Кусмарцев, с удовольствием наблюдая, как с лица подчинённого слезает позолота удачной поездки. – Так, стало быть, в этот раз Пластов за семьёй приезжал. Большая семья?

Павлюченко снова зашелестел блокнотом.

– Вот, значит... Состав семьи: жена Ефимья Ивановна, тридцати семи лет, трое человек детей – сын Владимир четырнадцати лет, сын Григорий восьми лет, дочь Тамара пяти месяцев.

– Во как! – рассмеялся Кусмарцев. – Беглый-то беглый, а даром времени не терял! – Сгнал улыбку с лица. – И что – увёз семью?

– Увёз. По всей видимости, на Красный Яр и увёз. Но там-то мы его...

– Да, займись вплотную и не затягивай. Сам знаешь, за показатели по репрессированности кулачья начальник на каждом совещании дерёт. И вот на что обрати особое внимание: как это удалось беглому осуждённому кулаку легализоваться в леспромхозе? Не иначе, кто-то поспособствовал. И хорошо поспособствовал: ишь, как уверенно и нагло этот Пластов себя ведёт – по-семейному обустраивается. Ничего не боится! Чую, свило там кулачье гнездо! – пригвоздил кулаком картонную папку к столу Кусмарцев.

Полтора месяца спустя Григорий с довольным видом докладывал Врачёву результаты:

– На четвёртом лесозаготовительном участке Читинского лестреста в посёлке Красный Яр выявлена организованная кулацкая группа, по предварительным данным, в количестве пяти человек. Оперативным путём установлены личности следующих лиц:

Дроздов Павел Прокопьевич, 1903 года рождения, уроженец села Раздольное Сайфунского района Дальневосточного края, из крестьян-середняков, дважды исключён из членов ВЛКСМ, в 1931 году осуждён по статье 109 УК на один год принудработ. С сентября 1937 года работает заведующим тракторной базой, семейный, на иждивении имеет жену 28 лет и трёх человек детей от 2- до 5-летнего возраста;

Пластов Иннокентий Илларионович, 1896 года рождения, уроженец села Новая Кука Читинского района, беспартийный, русский, грамотный, кулак, раскулаченный. В 1930 году осужден тройкой ПП ОГПУ по ДВК по ст. 58–2–11 УК на 8 лет концлагеря. В 1936 году из ссылки бежал. Женат. На иждивении имеет жену 37 лет и детей три человека от пяти месяцев до 14 лет. Работает десятником по лесозаготовкам;

Шишкина Пелагея Назаровна, 1908 года рождения, уроженка села Шишкино Читинского района, беспартийная, русская, кулачка, в 1930 году вместе с мужем была выслана из села Верх-Чита Читинского района за пределы Забайкалья, из ссылки самовольно бежала. Работает поваром лесозаготовительного участка «Красный Яр», одинокая. Проживает в квартире Пластова...

– Это чё, он зараз двух баб окучивает? – оживился Врачёв.

– Вот чего не знаю пока, того не знаю, товарищ капитан, – изобразил подобострастную улыбочку Кусмарцев. – Выясним. Но, скорее всего, по причине скудости жилья в посёлке, а Пластову удалось выбить себе две комнаты в казарме, по причине наличия трёх детей. Разрешите продолжить?

– Валяй.

– Четвёртый в выявленной пятёрке – Таран Сергей Данилович, 1884 года рождения, уроженец бывшей Полтавской губернии, беспартийный, украинец, кулак. В 1931 году раскулачен и осуждён по статье 58–10 сроком на пять лет концлагеря. В 1937 году после отбывания концлагеря осел на жительство в Читинском районе, работает чернорабочим в ЛЗУ «Красный Яр». Имеет детей четырёх человек в возрасте от 8 до 16 лет, но они проживают с его бывшей женой в городе Иркутске.

И последняя личность – Челноков Семён Егорович, 1886 года рождения, уроженец села Беклемишево Читинского района, беспартийный, русский, из крепких середняков. В 1934 году из села Беклемишево бежал от коллективизации, проживает в посёлке Красный Яр без определённых занятий, занимается охотой. Семейный, имеет жену и пять человек детей от 8 до 21 года.

– Жиденькая шайка, скажу я тебе, Кусмарцев, – скривил губы начальник отдела. – Чистых кулаков всего троица обозначилась, остальные – не пришей кобыле хвост. Разве что за компанию пойдут...

– Тут, товарищ капитан, куда интереснее сведения всплыли, – поспешил поправить картину Григорий. – Огнестрельное боевое оружие в этой группе имеется.

– Так-так-так! Поподробнее! – хищно заблестели глаза начальника.

– Наводя справки на указанных лиц, выяснили, что ранее Дроздов работал помощником начальника строительной части управления военно-строительных работ Забайкальского военного округа. И был замешан в скандале, связанном с хищением со склада винтовки и патронов. Доказать не доказали, но под подозрением остался. Собственно, после этого оттуда и уволился. И второе. Названный Челноков, который из Беклемишево от коллективизации на Красный Яр перебрался, как я уже доложил, промышляет охотой. Так вот, по непроверенным пока сведениям, имеет трёхлинейку, которую, якобы не скрываясь говорил мужикам, пару лет назад купил у беклемишевского кулака Глотова, с ней и охотится. Более того, охотой занимаются и Дроздов с Пластовым. И у них местные охотники боевую винтовку видели.

– А вот это оч-чень интересно! – забарабанил пальцами по папиросной коробке Врачёв. Отвернувшись от Кусмарцева, задумался. Потом снова нетерпеливо бросил: – Что ещё по сути дела?

– А ещё эту компашку можно притянуть за антисоветскую агитацию и клевету на органы советской власти. Вот что тот же Дроздов говорил комсомольцам тракторной базы, когда они слушали по радио сообщения об арестах врагов народа... – Кусмарцев перелистнул несколько страниц дела: – «Не слушайте эти сообщения, что передают по радио, советская власть судит виновных и невинных, ни в чём не разбирается». Дроздова на базе не любят – за высокомерие, барство и что рабочих оскорбляет разными похабными кличками: «шпион», «чан кайши», «гитлер»...

– Ну, что ж, – с удовлетворением подытожил Врачёв. – В таком виде дело уже посolidнее выглядит. Беглое кулачье, вооружённое похищенным с воинских складов боевым огнестрельным оружием, организовалось в контрреволюционную банду, активно ведут антисоветскую агитацию. Конечно же, без вредительских действий тут не обойдётся...

– Вы, товарищ капитан, как в воду глядели! – изобразил восхищение Григорий. – Зафиксирован факт вредительства: у этого десятника Пластова три рабочих лошади были изувечены, две из них пали.

– Это хорошо, – прищурился Врачёв. – А что по легализации беглых? Или без документов на лесоучастке осели?

– С документами. Как удалось выяснить, тот же Пластов при найме на работу скрыл, что был раскулачен и потом осуждён за контрреволюционную повстанческую деятельность, и, по-видимому, липовую сельсоветскую справку предъявил, так что выписали ему трёхгодичный

паспорт, как свободному гражданину. Наказание он отбывал на строительстве Беломорканала и канала Волга – Москва, а потом был сослан и из ссылки бежал в Киев. С документами Шишкиной пока выяснить не удалось. Но в леспромхозе постоянная нехватка рабочих рук, посему принимают на работу и чалых, и драных, лишь бы не прогуливали да не пили. Бабу могли и через койку взять.

– Да... разворачивается картина, – азартно потёр ладони Врачёв. – Ну, каковы дальнейшие действия?

– Полагаю, надо первым Пластова брать и колоть до задницы. И посмотреть на реакцию остальных. Уверен – другие хвосты и связи вылезут, новые фигуранты обнаружатся.

– Что ж, резонно. Скопом всю пятёрку брать не будем. Пусть засуетятся, как обоссанные мыши! – хохотнул Врачёв. – Справку на арест Пластова подготовили?

– Так точно, – протянул лист с отпечатанным на машинке текстом Кусмарцев.

– Тэк-с... «Показаниями свидетелей кулак Пластов изобличается в том, что сбежал из места ссылки и работая в Леспромхозе Читинского района, среди рабочих проводит к-р агитацию. Пластов И. И. подлежит аресту и привлечению к ответственности в порядке приказа Наркома Внутренних Дел Союза ССР № 00447». Угу... «Согласен». – Врачёв размашисто подписал справку. – Тэк-с... А постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения? Тоже имеется. Прекрасно. – Поставив вторую подпись, начальник отдела бросил ручку на подставку. – Оставляй. Как только Крылов бумаги утвердит – действуй. Только ребят потолковее пошли, чтобы жути нагнали. Что-то ещё?

Кусмарцев помялся.

– Георгий Яковлевич... Хотел бы просить разрешения на краткосрочный отпуск. Своих давно не видел, жена пишет, младшая дочка приболела. Гостинцы бы малым к Новому году передать, а то потом не до этого будет – усиление, опять же Пластовым надо будет вплотную заняться. А так его ребята возьмут – в камеру, пусть посидит пару недель на выдержке. Сами же знаете, такое ожидание на нарах, без вызова на допрос, арестованного сильно из колеи выбивает. В неизвестности дозреет до нужной кондиции.

– Хм... Насчёт выдержать, может, ты и прав, – раздумчиво кивнул Врачёв. – А с отпуском... Ладно! Трое суток дам. Без дороги, – уточнил, видя просящее выражение лица Григория. – Но двадцать четвертого чтобы как штык: с субботы – усиление. Пиши рапорт.

Глава вторая. Колычев, май 1930 года

Опрокинутая Сов. Властью за борт жизни, потерявшая богатства, привилегии и эмигрировав за кордон белогвардейская реакция все еще не теряет надежд вернуться к старому – свергнуть Сов. Власть, реставрировать в России самодержавный строй, восстановить свое былое положение. Эти надежды реакции выражаются в поисках путей и возможностей свержения Сов. Власти, опираясь на поддержку контрреволюционного элемента внутри страны Советского Союза... И в этот текущий период ожесточенной классовой борьбы к-р элемент чувствуя свою неизбежную гибель использует трудности и недочеты роста экономической мощи Советского Союза как и всегда пытается еще раз, при поддержке к-р сил из вне потопить рабочее государство в крови рабочих и крестьян.

Из обвинительного заключения от 23 августа 1930 года (по следственному делу № 2298)

– Так-с, значица, гражданин Стерхов Константин Михайлович, тысяча восемьсот семьдесят седьмого года рождения, бывший сотрудник для особых поручений при генерал-губернаторе, бывший гласный Читинской городской думы, а ныне лицо без определённых занятий. Это, стало быть, нигде не работаете, сидите на шее трудового народа. – Старший уполномоченный Читинского окружного отдела ОГПУ Яковлев с ехидцей глянул на сидевшего напротив допрашиваемого.

– Ваше благородие...

– Что-о?!

– Извиняюсь! Извиняйте великодушно... С волнения-с ляпнул. Правда ваша, постоянной работы не имею, здоровье на шестом десятке не позволяет, благо домочадцы работают, кормят... О-хо-хо...

– Здоровье, значица, не позволяет? А по округе шастать да тёмные делишки обделывать – позволяет?

– Господи... Да какие тёмные делишки! – Стерхов заговорщицки наклонился над столом, приблизив округлое, с хитрыми морщинками в уголках глаз, лицо к следователю. – Наоборот! Со всем усердием выполняю установку органов гэпэу...

– Какую ещё установку, Стерхов! Ты мне тень на плетень не наводи!

– Истинный крест! Как на духу! – осенил себя знамением бывший гласный. – Вона ещё в двадцать втором меня под следствие взяли, но, однако же, разобрались, освободили. Как невинного и сочувствующего советской власти. И с тех пор я завсегда в ногу с властью шагаю и органам гэпэу активную помощь оказываю. Ин-фор-ми-ру-ю по су-ще-ству, – понизив голос, по слогу прошелестел Стерхов.

– Эвона, активную... Обхохотаться! Заигрался ты, вражина!

– Зря вы так, гражданин следователь... – обиженно протянул Стерхов. – От ваших же товарищей получил секретное задание и исполнял...

В курсе был старший уполномоченный и задания, и его исполнения. Тогда, в двадцать втором, взяли бывшего гласного на заметку, но активно не использовали – разве что иногда, для общей информированности, расспрашивали о настроениях среди «бывших», о том, чем дышит забайкальская клерикальная верхушка, потому как Стерхов был вхож к епархиальному руководству, кое с кем даже приятельствовал по-семейному. А попы же народ такой – глаз за ними да глаз. Несут батюшки с амвона всякую религиозную хрень, а иной вдруг возьмёт и ляпнет нечто крамольное. Тоскуют по самодержавным временам. И причина очевидна: до

двадцать второго года жила Забайкальская епархия припеваюче. От большевистской России забором Дальневосточной республики отгороженная. Понятно, что забор чисто условный, но масштабных гонений во времена военного коммунизма и изъятия церковных ценностей вполне благополучно избежала. Оттого и страха не было.

В 1928 году, когда обнаружился всплеск недовольства, вызванный бесцеремонным со стороны властей на местах раскулачиванием, сочувствие попов сельчанам и утешения ими страдальцев не всегда ограничивались призывами к христианскому смирению, хотя глава епархии епископ Евсевий, возглавив Читинскую кафедру в ноябре 1927 года, распорядился распространить по всем приходам «Декларацию» заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия и Временного Священного Синода, в которой духовенство призывалось к необходимости лояльного отношения к советской власти.

Увы, когда бы так. Среди духовенства и именитых читинских мирян хватало недовольных большевистскими порядками. И они сыграли положенную им роковую роль. Самым одиозным оказался иерей Николай Любомудров, перешедший в клир Забайкальской епархии в декабре 1927 года из Николаевского прихода байкальского села Слюдянка Иркутской епархии, где служил с февраля 1921 года. Известно было про Любомудрова, что в 1917 году он значился вторым священником Покровского собора города Камышлова, что в ста верстах от Свердловска в сторону Тюмени. А вот где и чем занимался отец Николай между семнадцатым и двадцать первым годами, было неизвестно, пока его великовозрастный сынок не проговорился: полковым священником был Николай Любомудров в армии Колчака. Но преосвященный Евсевий почему-то благоволил к Любомудрову, поспособствовал его возведению в сан протоиерея и даже переехал к нему в квартиру жить. Такая близость архиепископа к антисоветски настроенному, да ещё с «белогвардейской» биографией священнику стала для ОГПУ просто находкой. И в дело уже активно включили «информатора» Стерхова.

Нарастало и ширилось крестьянское недовольство ретивым раскулачиванием, непомерным продналогом, насильственным по сути сколачиванием крестьянских коммун и артелей. Что и говорить, от усердия по выполнению циркуляров сверху палку перегнули. Забайкалье – не украинская житница, зерновые с большим трудом достаются, урожаи, конечно, не такие, как на полтавском чернозёме. По скотоводству положение получше будет, но вот попробуй убеди хозяина даже самого скромного поголовья сдать своих коровёнок, баранух и волов в общую, артельную собственность. Да и когда бы хоть малость убеждали, а то взяли за горло: или шагай со своим добром в коммуну, или ты – враг трудового народа. И забузили свободолюбивые гураны, среди которых казачья прослойка ещё та. Дело дошло до массовых вооружённых выступлений, расправы с представителями власти в сёлах, с милиционерами и активистами-коммунарами. Давить контру взялись решительно, порой и на арапа брали.

Стерхова тогда для этих «арапских дел» и привлекли. Мол, ты в царские времена фигурой был заметной, за тобой крупная рыба из «бывших» потянется. Не увиливал Стерхов, согласился. А куда увильнёшь, когда кое-какие старые грешки припомнили.

И поручили ему сколотить мнимую контрреволюционную организацию, привлечь в неё своих знакомцев, советской властью недовольных. Огонёк, стало быть, запалить, чтобы на пламя бабочки слетелись.

Стерхов с епархиальных знакомств и начал. Даже до самого архиепископа добрался.

– Я ещё летом двадцать девятого года, гражданин следователь, Евсевия в организацию посвятил.

– Что значит «посвятил»?

– Открылся ему. Посвятил в то, что я работаю в монархической организации. Я полагал, что Евсевий будет полезным человеком для организации, сумеет вовлечь в это дело духовенство. Никаких лиц ему, кроме себя, не называл. От активной роли он отказался, вернее,

дал понять, что он хотя и сочувствует изменению советской власти, но активно выступать не решается.

Нынче, 18 мая 1930 года, в этот по-летнему тёплый воскресный денёк, Стерхов готов был давать показания на кого угодно, лишь бы спасти свою шкуру. Вправду говорят: сколько волка ни корми... В ГПУ докладывал одно, а на деле двойную игру повёл. Захмелел от собственной значимости.

К Стерхову и впрямь потянулись «бывшие», вдохновлённые обстановкой: крестьянские волнения разгорались, закордонная белая гвардия не оставляла попытки щипать набегам из Маньчжурии приграничные уезды. Стерхов и сам поверил, что появилась реальная возможность скovyрнуть в Забайкалье Совдепию. Окрепла его уверенность, когда, как оказалось, слух о его «монархической организации» докатился до Харбина.

В апреле 1930 года нарисовался оттуда эмиссар. По всему видать, офицерская косточка – спину держит прямо, зыркает пронзительно, фразы рубит, не размусоливая. Без реверансов заявил, что направлен оценить степень полезности читинской организации делу восстания против Советов, а также получить свежие и точные данные о настроении населения. И не только предъявил Стерхову соответствующий мандат, но и напомнил о неоднократных визитах к Стерхову в 1928 году и позже Николая Ивановича Бронского, именовавшего себя представителем обосновавшейся в Маньчжурии боевой монархической организации, которая-де находится под эгидой самого великого князя Кирилла Владимировича[10].

Закордонного гостя, который в целях конспирации велел называть себя «Семёном», Стерхов свёл с выросшим из официантов в рестораторы Лебедевым, с учителем, бывшим наставником читинской гимназии и регентом епархиального училища Калмыковым, с генералом Куном, командовавшим у Колчака артиллерией, с затаившимися, как и генерал, семёновскими полковниками Бушинским и Кобылкиным, со штабс-капитаном Солисом, тоже служившим при атамане, доктором Кусакиным и другими своими заединщиками. Предпринял «Семён» и поездку по сёлам Читинского округа. Вот эта поездка и сыграла для горе-монархистов роковую роль.

В числе прочих не обошёл вниманием «Семён» в инспекционной поездке и село Новая Кука. Сюда прикатил с мясоторговцем Охотиным. Жил тот на станции Яблоновая, мясо скупал в округе – у скотовладельцев в сёлах Ингода, Домна, Домна-Ключи, Жипковщина, Старая и Новая Кука, Татаурово, Бальзой. Отвозил в Читу, где продавал на рынке и в рестораны. И как раз через заведовавшего рестораном «Сибирь» Лебедева познакомился со Стерховым. На предложение последнего вступить в монархическую организацию согласился не раздумывая – советские порядки раздражали Охотина до крайности, прежде всего налоговой политикой. А мечталось развернуться в предпринимательстве по-купчески, с размахом.

В Новой Куке Охотин знал крепкого крестьянина-единоличника Иннокентия Пластова. Прикупал у него прошлой зимой мясо для читинского клуба «Красный Октябрь» и был осведомлён, что Пластов большой любви к советской власти не испытывает. Причина известная: в двадцать девятом братьев Пластовых – Иннокентия, Сергея и Василия – раскулачили, реквизирав в коммуны двух лошадей, семь коров, восемь волов, полтора десятка баранов, отобрали конные грабли, сенокосилку, веялку и десяток борон. И по хлебозаготовкам, за невыполнение норм обложения сдачи хлеба, осудили Иннокентия к четырём месяцам принудительных работ, да и потом ещё таскали к следователю за недоимки по сдаче зерна в семенной фонд, хотели впасть полтора года, но потом отстали.

К Пластову Охотин с «Семёном» и нагрянул.

– Здорово, хозяин! – гаркнул Охотин, вваливаясь в вечерних сумерках в избу Пластовых. – Вот решил навестить тебя по старой дружбе. Чаем не напоишь? А то чёй-то подряст-рясло в дороге, а ещё и дальше катить.

– И вам не хворать, Алексей Андреич. Отчего же не напоить. Как раз на свежие калачи подгадали. Фима! – крикнул Пластов, полуобернувшись. – Схлопочи-ка на стол. Гостей попотчует да и сами поужинаем.

Пластов уважительно величал Охотина по имени-отчеству по причине заметной разницы в возрасте. Самому тридцать четвёртый катил, а гость уж пятый десяток к завершению ведёт. Второй-то из приехавших, однако, на вид с Иннокентием равнолетка.

– Семён, – протянул руку незнакомец, и Иннокентий ощутил заметную силу в его пятерне. И некую отчуждённость, которой наносило от гостя. «Из дворян, – с неприязнью подумал Пластов. – Ихнее барство никаким варом не залепишь, так и прёт из щелей...»

– Ну, пожалте к рукомойнику да за стол, – протянула «Семёну» расшитое полотенце миловидная жена Иннокентия.

– Узор, как погляжу, малороссийский, – расправил на руках рушник «Семён», с видимым удовольствием оглядывая хозяйку, – из тех краёв будете?

– Ага, – зарумянилась Пластова и смущённо оглянулась на мужа. – Умыкнул в семнадцатом из Киева да сюда-то и привёз.

– Мы тогда там в гарнизоне стояли. – Иннокентий тоже смутился. – Меня-то на германскую годом раньше забрали, но в окопах не сидел, Бог миловал, я больше по шорной части, так что – среди обозников.

– Любая воинская служба во благо Отечества благородна и нужна, – сказал «Семён». «Из офицера будет... – окончательно убедился Пластов. – И на кой ляд он Андреичу? Ваши благородия в торговцах не ходят. Стало быть, другой имеют интерес... Хотя какая мне разница? Катят по своим делам да и пущай катят...»

Сели за стол, выпили по чарке вполне сносного самогона, беседа дальше потекла.

– Ну так ты расскажи всё-таки, Кеша, как хохлушку такую справную умыкнул? – расщерился глумливой улыбкой Охотин. – Орёл! А? – повернулся всем туловищем к «Семёну». – Вот така забайкальска гуранска стать и удаль! Орёл!

Похвала добавила Иннокентию хмеля в самогон, подвигла к словоохотливости.

– Нам-то только в марте, числа третьего аль четвёртого, про события в столице весть дошла. Как обухом по макушке – царь отрёкся! Весь Киев всполошился, как есть. И враз столь оказалось сторонников самостийности и прочего сброда – голова кругом! Орут на улицах: «Вильнисти ридной матке Украине!», а сами магазины да лавки громят. Уж чего только не насмотрелся... – вздохнул Иннокентий. – Где-то в середине марта нас в оцепление поставили, весь батальон. И знаете, для чего? Чтобы народ друг дружку не передавил во время казни Столыпина...

– Столыпина? – усмехнулся «Семён». – Насколько помнится, его в девятьсот одиннадцатом застрелили.

– Да не... – отмахнулся Иннокентий. – Я про памятник евошный. Который опосля убийства поставили в Киеве на этой, как её... ага – Думской площади. Бронзову таку огромную фигуру. Вот тогда, в семнадцатом, евошный памятник и повесили! Сколотили шустрые хлопчики натуральную виселицу, подцепили Столыпина за шею и вздёрнули. А потом куда-то увезли... – Пластов помедлил. – Он, конечно, сатрап ещё тот, народу после девятьсот пятого перевешал уйму, но по землице и налогам правильно решал, мы тогда малость распрямились, не то что... – Не договорив, замолк.

– А стрельба-то в городе была – кажну ночь! Да и днём на улицу лучше не суйся. Не убьют, так ограбят и насильничают! – нарушила возникшую паузу, прижав руки к груди и округлив глаза, хозяйка.

– Вот тады-то я и решился, – продолжил Иннокентий и положил руку жене на плечо. – Раз царя-батюшки нету, а кругом полный разор, то какого хрена в гарнизоне сидмя сидеть. С Фимой-то мы уже знакомши были, работала в подёнках, из родни у её – сёдьма вода на

киселе. Ну и рванули по Расее-матушке к нам домой. Эхма... как это только изо всех передрыг поизвернулись! Почти три месяца добирались...

– А туточки тоже уже вовсю шла кутерьма! – поджала губы Пластов. – Флагами машут, на митингах горло дерут. А сами всё больше по сторонам глазами зыркают – у кого добро расстрясти. То нас красные партизаны дербанили, то семёновцы со своими реквизициями, а потом и вовсе... В кулачье нас записали. Ну и раскулачили! – Раскинув руки, обвела горницу.

– Значит, говоришь, крепкое хозяйство до семнадцатого года было? – спросил, пристально глядя на хозяйина, «Семён».

– Было да сплыло, – угрюмо отозвался Иннокентий. – Ладноть, чего теперь... Давайте лучше ещё по чарочке.

После застолья, покрасневшийся от трапезы и чаю, «Семён» прошёлся по горнице, остановился у висевшей на стене деревянной рамы с фотографиями под стеклом.

– А вот этот мне знаком, – ткнул пальцем в одно из лиц. – Кто будет?

– А, этот... – подошёл к фотографиям хозяин. – Так, дружок мой и сродственник, Гошка Колычев. Евошный старший брательник на моей двоюродной тётке женат. Оне в Старой Куке живут, а Гошка тута прижился после демобилизации.

– Где служил? Подрывное дело знает?

– Насколько знаю, он сказывал, в Дальневосточной кавбригаде служивал, оттудова демобилизовался, а где до того – этого не ведаю. Но, видимо, и впрямь знакомец ваш, коли вы про подрывное дело упомянули. Этому он обучен. Собирались даже на работу устроиться на Черновские копи, как раз подрывником. А вы с ним где...

– Вот как раз по кавбригаде и помню, – оборвал вопрос хозяйина гость. Обернулся к Охотину, продолжающему схлёбывать чай с блюдца, удерживаемого на растопыренных пальцах:

– А не пора ли нам в дорожку, Алексей Андреевич? Уж совсем ночь на дворе, а нам ещё до Домна-Ключей добраться надо.

– Да-да, – засуетился Охотин, отставляя блюдце и отрывивая. Пластову пояснил: – Собирались там у знакомого кроликов прикупить, да я ещё в Старой Куке винцом разжиться намериваюсь.

– У Клавки, что ли? – насмешливо спросил Пластов. – Эта лярва-шинкарка тока бодяжить и умеет! Лучшее загляните к моей тётке Марии.

– Та нет... есть у меня знакомец старокукинский... Ну, хозяйюшка, благодарствуем за угощение, хлеб да соль вам. Иннокентий, – обратился уже к хозяину, – ты это... Проводи нас, заодно и покурим на дворе, чтоб ребятию в избе не травить. Как они у тебя?

– Малому восьмой месяц пошёл. Чево ему! Насосался из мамкиной титьки молока и вона посапывает, – кивнул на занавеску в спальню Иннокентий, – а Володька уже мужик, семь годков. Сёдня у Василия, у дядьки, гужется, там таких, как он, парочка – гусь да гагарочка! – Засмеялся, глаза блеснули радостью. – Помощники подрастают, мужики!

Втроём вышли во двор, под высокое ясное небо, усыпанное крупными забайкальскими звёздами. С берега Ингоды ощутимо тянуло влажной стылостью.

Иннокентий полез было за кисетом, но «Семён» остановил, протянул коробку папирос. Достал папиросную пачку и Охотин.

– Богато живёте, – усмехнулся Пластов, закуривая. – Так, понимаю, не настоль и мимоходом проезжали... Разговор какой-то ко мне имеется?

– Имеется, – ответил Охотин и продолжил вполголоса: – Мы тут, Кеша, не по кроликам. Стоит за нами серьёзная организация, и ведём мы подготовку к восстанию. Чо ты застыл? Глаза-то разуй! Наслышан небось, что ноне повсюду творится? Запыхало, Иннокентий, запыхало! Дождались! И не только у нас, в Бурятии тоже народ поднялся.

– Да слышали о бузе... Только, по моему разумению, нынешнюю власть этаким макарон не свернуть. Крепко угнездилась.

– Ты всего размаха не видишь. Карымский район весь под восставшими, Нерчинский, по Акшинскому тракту волна пошла, Бичура, Малета. А мы в Чите серьёзный монархический центр создали...

– За Бога, царя и Отечество, стало быть?

– Именно так! А что, тебе плохо жилось при царе-батюшке? Сам же за столом обмолвился. Крепкое хозяйство имел, а нынче – в босышки тебя Совдепия обратила.

– А как вообще настроения у ваших сельчан? – подал голос, озирая двор, «Семён». – Что говорят по поводу волнений, действий властей?

– Да ничего особливо не говорят, – с раздражением отозвался Пластов. – На власть, конечно, бурчат – давит налогами, да только плетью обуха...

– Если мы все будем так думать, – веско бросил «Семён», – тогда да, обух обухом и останется. Но вот плёточка казачья на многое способна.

– А где они, казачки ваши? За кордоном гужуют. На что тока и способны, как наскок сделать, пальнуть да грабануть деревеньку подле границы.

– Это не те казаки, которые серьёзная сила. Серьёзная сила имеется и ждёт своего часа, уж поверьте мне, я знаю.

– Ну так ты как, Иннокентий? – тронул Пластова за рукав Охотин, пытливо заглядывая в глаза. В лунном свете лицо его показалось Иннокентию неживым, мертвенной маской, даже мураши по спине пробежали.

– Подумаем... – отозвался неопределённо.

Охотин понял по-своему – суетливо вытащил из-за пазухи пухлый кошель, порылся в нём и протянул Иннокентию бумажный лоскут.

– У нас в организации существуют пароли, по ним мы своих людей знаем. Вот возьми. Возможно, к тебе придет человек от нас с такой же бумажкой. Если рваные края сойдутся – свой человек, можешь ему доверять. Но скорее я приеду. Кстати, если после Пасхи приеду, а тебя дома не будет, к кому ещё посоветуешь обратиться?

– Ну, не знаю... Так это... К Гошке Колычеву заглядывай, он завсегда знает, где я, да и вообще мы с ним...

– Ладно, припозднились мы у тебя, прощевай.

Когда стук колёс двуколки гостей стих в темноте, Пластов вернулся в дом, покрутил в пальцах бумажку-пароль и, приоткрыв печную дверцу, без жалости бросил в огонь.

После Пасхи Охотин так и не появился. Но разговор с ним не шёл у Пластова из головы. Покумекав так и эдак, отправился к своему дружку-родственнику.

– ...Вот такое дело, Гоха, – завершил Пластов пересказ бывшего разговора с Охотиным и незнакомцем «Семёном».

– Это ты правильно ту бумажку в печку сунул, Кеша, – помолчав, выговорил Колычев. – Наше дело – сторона. С этими типчиками наши головы напервой подставятся. Да и сам знаешь: паны дерутся – у холопов чубы трещат. Тут, Кеша, само лучшее – в сторонке побыть. Вот куда кривая вывезет, тогда и кумекать будем. Да только оне не одолеют. Вона кака война отгромыхала, такая силища красных давила – и чё? Беляки, почитай, уж десяток лет зубами скрежещут из-за кордона – вот и всё, на что способны. А большевики – на коне! Конечно, всяко бывает, но наше дело – сторона.

– А этот Семён, как я его обрисовал, тебе знаком? Сказал, что по кавбригаде тебя знает.

– Офицерик-то? – хмыкнул Колычев и тут же сурово глянул на Иннокентия. – Темнит он... В кавбригаде я подрывным делом не занимался. Я там больше на кузне, по ремонту лошадей. Да... – Колычев пытливо уставился на Пластова. – Бог не выдаст – свинья не съест. Не менжуйся, братка: появится Охотин или кто там ещё от него – не принимай их. Откажись – и весь сказ. Сами пушай колобродят! – И Гоха решительно пристукнул кулаком по столешнице.

Но после ухода Иннокентия куда вся уверенность у Колычева подевалась. Не шёл из головы этот самый «Семён» офицерского обличья. Определённо одно: незнакомый Кешкин гость – из прошлого. В подрывниках-то Колычев в колчаковском войске служил. Хорошо, вовремя переметнулся на другую сторону, а то бы тоже смердел в какой-нибудь яме или жрали бы ангарские рыбы, как доблестного адмирала, которого, по слухам, на льду расстреляли да в прорубь и сунули. Был Верховный правитель – да и вышел в одночасье. А уж что говорить про нынешних башибузуков... Прижмут их всех к ногтю и передавят, как клопов. Вот только оказаться под этим ногтем заодно со всей этой белой костью радости мало – да и вовсе никакой нет...

Утром следующего дня Георгий Колычев запряг кобылку и затарахтел на станцию. Там к родне завалился, гостинцы немудрёные выложил: шаньги, супружницей напечённые, кринку сметаны, шматок сальца, рульку, голяшки на холодец.

Опосля прошёлся неспешно до станционных казарм. В одной из них обустроил себе кабинет участковый уполномоченный, которого нередко обзывали по старинке «околоточным». Но не одна Кука за ним числилась, из-за чего милицейский чин в своём кабинетике не засиживался, всё больше в разъездах пропадал. Но тут, на Гохину удачу, оказался на месте.

Робко постучав, Колычев просунул голову в дверь.

– Чего тебе? – недовольно буркнул милицейский уполномоченный, отрываясь от вороха бумаг.

– Наше вам почтеньице... – заискивающе поздоровался Гоха, комкая в руках бараний треух. – Тут вот такое дело... Подозрительные люди на деревню приезжали...

– Чево ты там мямлишь? Иди сюда, садись, толком излагай, – сурово приказал милиционер. – Кто таков, откуда? Что за люди?

Гоха осторожно присел на табуретку у стола.

– Так это... Днями к сродственнику моему нагрянули под вечер. Двое. Одного-то я знаю – мясоторговец с Яблоновой по фамилии Охотин... – запинаясь, забормотал Гоха. – Не, я ему мясо не продавал, а вот мой...

– Фамилия?

– Ево?

– Твоя для начала.

– Так это... Колычевы мы будем. Крестьянствую в Новой Куке. Раньше в Дальневосточной кавбригаде служил, с Семёновым воевал...

– Биографию твою мы потом изучим. Ты дело давай излагай, – нетерпеливо прервал Гоха уполномоченный, – некогда мне с тобой тут долго рассусоливать. К кому эти, как ты говоришь, подозрительные нагрянули?

– Так это... К Пластову Иннокентию. Одного-то я знаю...

– Сказал уже. Кто второй?

– Незнакомец. По обличью – из белоофицеров.

– Почему так решил?

– Так это не я. Это мне Кешка... Пластов, стало быть, сказал. Сам-то я их не видел и разговоров не вёл. Это мне Кеш... Пластов, то есть, обрисовал.

– А чой-то он тебе обрисовал? – прищурился уполномоченный.

– Так это... – растерялся Колычев. – По-родственному... Пришёл посоветоваться, как быть...

– Посоветоваться, говоришь? И в чём же посоветоваться?

Колычев замялся, склонил лохматую голову.

– Чё замолк? Назвался груздём – полезай в кузов, – с требовательной злостью повысил голос уполномоченный.

– Так это... Оне, эти приехавшие, склоняли Кеху вступить в какую-то подпольную организацию, – выговорил Колычев и сам испугался собственных слов.

– Ин-те-рес-но... – протянул милиционер и пристально уставился на Гоха. – В организацию, говоришь? И что это за организация?

– Вот чего не ведаю, того не ведаю. – Гоха треухом вытер пот со лба. – Но оне моему сродственнику какие-то бумажные пароли совали, сказали, что ещё приедут... А больше я ничего не знаю! Истинный крест!

– Это ты батюшке в церкви заливай! Что ещё тебе гражданин Пластов сообщил? – Уполномоченный что-то быстро черкал карандашом на желтоватом бумажном листе.

– Вот как на духу! Окромя этого – ничего. А я ему строго-настрого наказал, – заторопился, ощущая страшную сухость во рту, Гоха, – шобы он в это дело не лез, а таких гостей гнал со двора. Вот так прямо и наказал...

– Ну да, кто бы сомневался... – усмехнулся уполномоченный. И посмотрел на Гоха, как прицелился.

– Значит, так, гражданин... – скосил взгляд в бумагу, – Колычев. Сообщение твоё я записал, доложу куда следует. А тебе – сидеть в своей Новой Куке, никуда не отъезжать и никому ни слова. В первую очередь родне своей, этому Пластову. Если что – в стороне не останешься. Понял?

– Как не понять... – затряс башкой Гоха. – Так это... Я пошёл?

– Иди. Но смотри у меня! Я тебя предупредил.

Последнее было сказано таким угрожающим тоном, что на приступочке казарменного крыльца Гоха ощутил, как под колушкой у него окончательно взопрела от пота рубашка.

На непослушных ногах вернулся к братцу в дом, чаёвничать отказался, запряг лошадёнку и споренько покатыл домой, то и дело оглядываясь, будто бы ожидая погони или выстрела в спину.

А в середине мая в Новой Куке появились чекисты. Перевернули у Пластовых всё подворье, а самого Иннокентия, заломив руки, посадили в таратайку. Прошлись по соседям, расспрашивали о посторонних лицах, появлявшихся в селе в марте-апреле-мае. Во время этого обхода один из них, как Гоха понял, старший над остальными, зашёл и к Колычевым. Оценив, оглядел хозяина, избу. Уходя, поманил пальцем в сени.

– Во вторник на будущей неделе чтоб как штык был в Чите, в отделе ОГПУ, на улице Амурской, дом тридцать пять. Запомнил? И документы не забудь, а то заарестуют. Да шучу я, шучу. В общем, жду.

– Угу, – понуро склонил голову Гоха.

– Не тушуйся. Всё от тебя зависит, – хлопнул по плечу чекист и вышел.

Во вторник, 20 мая, Колычев, добравшись до Читы на поезде, со страхом открывал тяжёлые двери в торце трёхэтажного здания с остроконечной башенкой наверху над торцом.

Один из дежурных, узнав фамилию явившегося, затребовал сельсоветскую справку, удостоверяющую личность, выписал пропуск и повёл Колычева по тёмному коридору на второй этаж. Постучал в массивные двери.

– Войдите, – послышалось из кабинета.

Дежурный ввёл Колычева, доложил. За столом Гоха увидел того самого чекиста, который приходил к нему в селе.

– А, старый знакомый, – улыбнулся хозяин кабинета. – Ну, проходи, присаживайся. Можете быть свободны. – Это он уже сопроводившему Гоху сотруднику. Когда за тем закрылись двери, повернул улыбочивое лицо к Колычеву. – Ну что, перетрухал небось?

– Есть маненько, – осторожно ответил Гоха.

– А чего тебе бояться? Родственник твой слова твои подтвердил. Ну, о том, что ты его отговаривал с вербовщиками общаться.

– С вербовщиками?

Захолоднуло всё внутри у Гохи, меж лопатками поползла струйка пота.

– А ты как думал! Эти типчики не просто по деревням ездили. Народ против советской власти подбивали за оружие взяться. С теми, кто к новой, свободной и трудовой жизни стремится – кроваво расправляться. Вот так! – Чекист пристукнул толстым гранёным карандашом по столу.

– Так это... И что же теперь? – с замиранием сердца выдавил Гоха.

– А ничего, – пожал плечами чекист, – следствие разберётся. Вот я тебя для чего вызвал? Очную ставку проведём с твоим родственником, чтобы полную ясность во все ваши разговоры внести. Пустяковая формальность.

Формальность оказалась не из приятных. Впрочем, Колычев другого и не ждал. Не та это контора, чтобы приятственностью отличаться.

Но когда ввели Иннокентия, первейшее желание у Гохи было залезть куда-нибудь под стол, забиться в какую-нибудь щель.

Исхудавший, с провалившимися и тоскливыми глазами, со свалывшейся, а прежде такой аккуратной бородёнкой, с такими же свалывшимися лохмами на голове – где они, знаменитые на всё село каштановые кудри?.. Даже в росте как будто уменьшился, сгорбился.

Очная ставка недолгой была. Иннокентий подтвердил, что Георгий Колычев его отговаривал от участия в контрреволюционной монархической организации, советовал отвалить от двора торговца Охотина и тех, кто заместо него приедет. Потом Пластову и Колычеву дали подписать протокол очной ставки, и Иннокентия увели.

А хозяин кабинета пододвинул Гохе бланк размером с почтовую открытку и чернильницу с торчащей из неё ручкой:

– Это тоже прочитай, впиши свою фамилию, имя, отчество и подпиши.

«Обязательство», – сразу бросились в глаза крупные буквы. «Я, нижеподписавшийся... настоящим обязуюсь хранить в строжайшем секрете все сведения и данные о работе ОГПУ, органов предварительного следствия, дознания или ревизионного обследования, ни под каким видом их не разглашать и не делиться ими даже со своими ближайшими родственниками и друзьями. Неисполнение настоящего грозит мне ответственностью по ст. 96 Угол. Код. Подпись... Дата...»

Колычев с облегчением перевёл дух и накорябал чернилами требуемое.

– Ну и вот ещё один документик... – пододвинул чекист Гохе новый листок. «Сов. секретно. ОБЯЗАТЕЛЬСТВО. Я, нижеподписавшийся гр-н... Псевдоним... даю настоящую подписку в том, что по добровольному согласию поступил на работу в секретный орган, вполне осознавая ответственность взятых на себя обязанностей...»

Гоха со страхом уставился на хозяина кабинета:

– Но я... я...

– Ты читай, читай.

«...**Я обязуюсь:** 1. Подчиняться той дисциплине и правилам, которые установлены в секретном органе. 2. Сохранять, как величайшую тайну, все, что мне будет известно во время проведения данной мне работы и после освобождения от работы. 3. Говорить о моей работе только с теми лицами, с которыми я буду связан по секретной работе и с которыми мне будет указано. 4. Всегда стремиться к выполнению возложенной на меня работы так, чтобы она давала наибольшие результаты. 5. Проводя порученную мне работу, обязуюсь постоянно говорить и сообщать секретному органу только *правду*. Сознаю, что за нарушение настоящего обязательства я буду привлечен к ответственности...»

– Какой псевдоним себе выбираешь? – деловито осведомился чекист.

– Но я... Не смогу, неспособен я...

– Ну как же неспособен. Очень даже способен, – снова заулыбался грозный собеседник. – Вовремя проинформировал органы о повстанческой организации, проявив таким образом незаурядную бдительность и высокую революционную сознательность. Заблудшего друга попытался отговорить от преступных действий. Так что очень даже способен.

– Нет, нет, не смогу. Да как я... Родня всё-таки... – схватился обеими руками за голову Георгий.

– Родня, говоришь? – Чекист потряс перед носом Колычева увесистой папкой в картонном переплёте. – А вкупе с твоим замазавшимся родственничком по делу проходит два десятка преступных рыл! И это только головка банды. И какие личности подсобрались: попы, купцы, офицерё колчаковское и семёновское. С закордоном связи наладили, оружие и деньги получали. А для чего? Чтобы из-за угла, по-подлому крушить всё то, что с таким трудом налаживается после кровопролитных боёв с беляками. Какие преданные делу революции люди от их рук гибнут! – с какой-то особенной горечью и болью последнее выговорил [11].

Помолчал и глянул на Гошу вообще сурово:

– Да что я тебе тут политграмоту развожу!.. Не доходит до твоей тупой башки... Так я тебе по-другому обстановочку обрисую. Вот послушай.

Зашелестел бумагами в папке, которой тряс, нашёл нужное место:

«...По существу моей контр-революционной деятельности показываю: по своему имущественному положению я являюсь середняком, но в связи с раскулачиванием меня, обложении налогами, я был недоволен Сов-властью и зачастую выражал это недовольство среди семьи и отдельных крестьян. Выхода из создавшегося положения я хотя и не искал, но в связи с предложением мне принять участие в контр-революционной организации и вести подготовку к свержению Соввласти гр. ОХОТИНЫМ и неизвестным человеком, не отказался категорически от этого предложения и рассказал об этом гражданину нашего села КОЛЫЧЕВУ Георгию Ивановичу...»

Остановив чтение, со злой усмешкой посмотрел на сжавшегося Гошу.

– И вот далее самое интересное: «...когда в доме находились у меня – Я, ОХОТИН и неизвестный, последний, увидя на стене у меня фотокарточку гражданина нашего села КОЛЫЧЕВА Георгия Ивановича, задал вопрос – кто это такой и где он служил и вероятно знает подрывное дело. Я ответил, что это КОЛЫЧЕВ, что он служил в Дальне-Восточной кавбригаде и действительно знает подрывное дело, он даже предполагал поступить на работы подрывником на Черновские копи. Он, ОХОТИН, когда мы еще были в коридоре, спрашивал меня во время беседы по существу работы контр-революционной организации, спросил меня – если я приеду к тебе на пасхе и тебя дома не будет, к кому можно еще обратиться у вас. Я сказал этого самого КОЛЫЧЕВА Георгия Ивановича, зная его как близкого человека...»

Хозяин кабинета с шумом захлопнул папку.

– Ну что, друг ситный, нравится? Без утайки родственничек твой показания даёт, а в показаниях-то про тебя. И всё бы ничего – и отговаривал ты его от участия в контрреволюционной шайке, и сам вроде бы никуда не лез. Опять же органы проинформировал, бдительность и сознательность проявил. Но... – Чекист сделал многозначительную паузу. – Но вот парочка закавык имеется, гражданин Колычев. И первая такова: откуда же тебя знает этот самый неизвестный? И не просто знает, а как подрывника? И вторая закавыка: а чего это гражданин Пластов, уже зная, чем занимаются его гости, – то есть открыто вербуют недовольных советскими порядками в ряды своей повстанческой контрреволюционной организации, – предлагает этой контре к тебе, гражданин Колычев, обращаться по мере надобности? А? Что скажешь?

– Так я же это... – поперхнулся Гоша. – Да какой из Кешки повстанец! Побурчать про нынешние порядки – это ещё может, а чтобы за винтовку взяться. Не-е... Он же, говорю, советовать ко мне прибёг.

– Во-от! – довольно прищёлкнул пальцами чекист. – Советоваться! Стало быть, всё-таки задумался над предложением вербовщиков. А что к тебе прибежал – так это как посмотреть. А почему бы нам не сделать резонный вывод, что не советоваться он пришёл, а и тебя в повстанцы записать? С родственничком твоим – дело ясное: он бумажку-пароль у своих гостей взял? А раз взял – значит, уже с ними.

– Да не-е... – неуверенно возразил Гоха, но тут же встрепенулся, затараторил: – А я что... Я же его отговаривал, чтобы он их отвадил. Самым категорическим образом отговаривал. И я же сообщил...

– А не потому ли ты сообщил, – в голосе чекиста зазвенел металл, – чтобы вовремя задницу свою прикрыть? А я вот тебе такой пустячок сообщу: этот самый неизвестный, который тебя знает, субъект не простой – из-за кордона в Чите появился, связь установил с контрой, готовящей восстание. А сам – бывший белогвардейский офицер. Вот так-то, друг ты наш ситный! И почему я не могу подумать, что потому ты и побегал сообщать-докладывать, коли жареным запахло. Мол, я не я и хата не моя. Да и не сразу ты сообщил, а выжидал недели полторы.

– Я не выжидал! – взвыл Гоха. – Это Кешка всё это время раздумывал, а как мне рассказать, так я сразу же, по утрянке...

– А кто об этом знает, кроме тебя и Пластова? Это теперь, гражданин Колычев, как повернуть... Ну что? Будем сотрудничать или оставить в следственном деле всё как есть?

Долго молчал Георгий. Не торопил его и старший уполномоченный окружного отдела ОГПУ, попыхивая папирской. Давал дозреть.

Наконец, тяжело вздохнув, поднял Гоха тоскливый взор на чекиста и потянулся к ручке в чернильнице. Нацарапал фамилию на пустой строчке, дописал к ней имя и отчество. И загнанно посмотрел на хозяина кабинета:

– А этот псевдОним... Чево тут писать?

– ПсевдонИм, – произнёс уполномоченный, правя ударение. – Это будет у тебя вымышленное имя, которым будешь подписывать свои сообщения для соблюдения секретности. Придумывай.

– Да я... – сконфуженно промямлил Гоха.

– Ладно, назовём тебя... м-м-м... «Взрывник». Пойдёт? И про умение твоё не забыли, и будешь контру своими донесениями взрывать. Ну?

– Хорошо, – обречённо махнул рукой Гоха.

– Вписывай в документ. Внизу распишись и дату проставь. Вот, молодцом. А ты боялся! – рассмеялся чекист. – Давай пропуск подпишу и можешь топать.

Увидев в глазах новоиспечённого агента немой вопрос, пояснил:

– О порядке связи и передачи сообщений – в другой раз поговорим. Не всё сразу. Привыкай пока, переваривай. И помни! – Хозяин кабинета вертикально приложил палец к губам. – Молчок. – Отнял палец от губ и нацелил Гохе в лоб. – Молчок! А то – чок! – изобразил выстрел из револьвера.

А пока потянулась ниточка от Колычева с Пластовым к Охотину, а от того – к Стерхову. Тут и ожидало чекистов неприятное открытие: двурушничает их «информатор». Более того, не в одиночку. Ресторатор Лебедев тоже был «на связи» и тоже водит за нос. Из мнимой «организация» Стерхова грозила вылиться в натуральную угрозу. Но особенно взбесило чекистов предательство. Понятно, что агентшики – народ гнилой, но обнаглеть до такой степени!.. С кем в кошки-мышки вознамерились играть! Выжечь всю эту шваль калёным железом без жалости и какого-либо снисхождения, чтобы никому неповадно было!

И аресты не заставили себя ждать. Вскоре за решёткой очутились Стерхов, Лебедев и другие «активисты-монархисты»: доктор Кусакин, зажиточные мещане Вепрев и Бурдуковский, учитель Калмыков. В Атамановке чекистский бредень выперил ранее подозреваемого в

теракте против селькора казачка-богатея Плотникова, на станции Ингода – бывшего владельца Читинской паровой мельницы, а ныне пасечника Иванова, в Бальзое – царского прапорщика Черенкова, в Домна-Ключах – семейную парочку Шишовых. Арестованные долго не запирались и показали ещё на не один десяток «участников» организации.

Следствие растянулось до конца ноября 1930 года и вылилось в несколько уголовных дел, которые конечно же рисовали картину масштабного контрреволюционного заговора. По первому из этих дел проходило тринадцать обвиняемых во главе со Стерховым. Тройка при Полномочном представительстве ОГПУ Дальне-восточного края 26 ноября приговорила Стерхова, Охотина и Лебедева к расстрелу. Кусакина, Вепрева и Шишовых – к десяти годам заключения в Соловецком концлагере каждого, десятку концлагеря «заработал» Черенков, по пять лет – Плотников, Бурдуковский и Калмыков, Иванову дали три года, а Иннокентию Пластову всадили... восемь лет лагерей. По печальной иронии судьбы в этот же день пулю в затылок получил и протоиерей Николай Любомудров.

– Так дело не пойдёт! – решительно рубанул на совещании руководящего состава начальник оперсектора Яков Бухбанд. – Во что вылились практически двухгодовые потуги? Жалкая кучка уродов во главе с двурушниками-агентами? И белогвардейский поп в придачу. Всё! – Бухбанд картинно раскинул руки. – А какие сети раскидывали! Нет, так дело категорически не пойдёт! Стерхов дал показания на Евсевия? Дал! Любомудров с архиепископом были вась-вась? Так какого чёрта сопли жуём?! И так уже Евсевия след простыл! План мне на стол – по раскрытию массовой клерикально-монархической организации! Неделя сроку!

Благоволение владыки к Любомудрову и показания Стерхова вылились в объявление архиепископа руководителем клерикальной монархической контрреволюционной организации. Любомудров и Стерхов были посмертно зафиксированы как его ближайшие подручные. Архиепископа обвиняли в том, что он, «являясь по своей идеологии непримиримым врагом власти советов», настойчиво и упорно обрабатывал доверявших ему людей, сколотив в результате контрреволюционную организацию с целью свержения советской власти и реставрации монархии. Организация эта в следственных материалах ОГПУ выглядела внушительно: центр находится в Чите, имеются филиалы в Нерчинске, в Нерчинском, Шилкинском, Улётовском, Акшинском, Жидкинском и Титовском районах, охватившие более сорока сёл и деревень. Члены организации изготавливали и распространяли «листовки к-р. характера, листовки и воззвания религиозного, но по сути дела контрреволюционного содержания, литературу монархистского и антисемитского характера, полностью использовался церковный амвон, с которого члены организации попы говорили проповеди к-р. порядка в завуалированном виде».

К концу января 1931 года, когда большинство мнимых участников «контрреволюционной организации» было арестовано, руководство Читинского оперсектора ОГПУ приняло решение о привлечении к делу в качестве главного обвиняемого и самого архиепископа Евсевия (Рождественского), в тот момент занимавшего викарную Шадринскую кафедру и управлявшего Свердловской епархией и Уральской церковной областью. Евсевий 22 января был задержан в Мариинске и 7 февраля отправлен под конвоем в Читу.

Обвинения в свой адрес архиепископ отнёс: «Когда мне приписываются слова и речи, которых я не произносил и которые, если не выдуманы, произнесены, быть может, кем-либо другим, я просил бы делать очные ставки». Но очные ставки с главными фигурантами, посмертно зачисленными в помощники руководителя «организации», Любомудровым и Стерховым по понятным причинам отпали, а все другие «свидетельства» выглядели жалко. Но архиепископ Евсевий иллюзий не питал – имел вполне реальное представление о методах следствия в ОГПУ: в 1923–1925 годах отбывал срок заключения в концлагере, будучи осуждённым «за противодействие изъятию церковных ценностей». Наверно, поэтому решил воспринимать происходящее с фатальной иронией.

– Я, когда обращали моё внимание на тот или иной факт, невыгодный для власти и подогревающий в ком-либо надежду на перемену власти, обычно указывал на успехи социалистического строительства, могущество и политическую сознательность Красной армии и превосходство советской дипломатии, – с плохо скрытым сарказмом излагал владыка стандартные пропагандистские штампы начальнику оперсектора Бухбанду, лично возглавившему следствие. Кабы с партийной трибуны это звучало, а вот из уст священнослужителя... Издёвка, да и только. А архиепископ усугублял:

– Когда в декабре двадцать восьмого года Стерхов впервые упомянул в беседе со мной, что существует в Чите монархическая организация, я отнёсся к известию скептически, указывая, что при советской власти никаких подпольных организаций не может быть, так как бдительность и зоркость многомиллионноглазого ОГПУ изумительны.

Тройкой при Полномочном представительстве ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю 17 ноября 1931 года Е. П. Рождественский (Евсевий) был приговорён к 10 годам заключения в концлагере с конфискацией имущества. Но карающий меч революции, занесённый над владыкой, всё-таки опустил: Преосвященный Евсевий, находясь в заключении, был обвинён в создании «группировки служителей религиозного культа и ведении контрреволюционной агитации» и 28 октября 1937 года приговорён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 5 ноября 1937 года. Реабилитирован посмертно Евсевий будет только в 1989 году.

Глава третья. Пластов, декабрь 1937 года

Бытовой донос – не менее распространенная форма, чем профессиональный. Он касается не высших сфер, а взаимоотношений с ближайшим социальным окружением. Стимулом к нему может послужить что угодно: ссора, конфликт из-за участка земли с соседом, ненависть к богатству ближнего, любовное соперничество и т. д. Если вспомнить аналогию «НКВД – почтовый ящик», то написать туда (и ждать ответа) мог любой человек, независимо от его социального положения и статуса. Кроме того, совсем не обязательно было обращаться непосредственно в правоохранительные органы. Ведь существовали тесно связанные с ними партийные, комсомольские, советские и т. п. «инстанции», которые активно сотрудничали (передавали информацию) с НКВД.

В. А. Нехамкин. *Донос как социально-психологический феномен (журнал «Историческая психология и социология истории», 2014, № 2)*

– Господи... Кеша... – Фима прижалась к мужу, не замечая запаха давно немытого тела, мазутной гари, исходящей от грязного и заношенного полушубка. – Господи... Уж и не чаяла... Отпустили? – радостно заглянула, подняв лицо, Иннокентию в глаза.

– Отпустился... – Муж высвободился из рук Фимы, тяжело бухнулся на лавку, потянул вначале с одной ноги, потом с другой рваные валенки. Со вздохом облегчения вытянул ноги, стащив, одной об другую, сбившиеся, пахнущие кислым портянки. Распахнул куцый полушубок и, откинувшись на стену, закрыл глаза.

Фима растерянно перевела взгляд на засаленный до блеска треух, упавший на пол, потом снова уставилась на мужа. Улыбка медленно сползла с лица.

– Сбёг?..

– Сбёг, – спокойно ответил Иннокентий, не открывая глаз.

– Господи... – Фима бросила ладони к лицу, сквозь растопыренные пальцы глянула снова на мужа, расплёскивая из глаз страх и ужас. – Господи... Что же теперь будет?! – Опустилась на табуретку. – Иисусе милостивый... Да за что же мне всё это...

– Хорош причитать, – по-прежнему не поднимая веки, прогудел муж, – лучше пожрать собери.

Уже за столом, жадно хватая из миски картошку чёрными, до невозможности отмыть, как казалось Фиме, руками, яростно вгрызаясь в мёрзлое сало и едучую луковицу, зажёвывая один за другим толстые ломти ржаного хлеба, Иннокентий успокоил:

– С документом я, не одна легавая собака не докопается. Тока здесь, в Куке, житья не будет, по старой памяти проверять начнут, докопаются... Будем на новое место перебираться.

– Куда? – упавшим голосом спросила Фима.

– Осмотреться мне надо. Но отсюда, само собой, подальше. Прикидываю куда-нибудь на лесоразработки податься. Научили лес валить, – горько усмехнулся Иннокентий. – Вот как обустроюсь, тогда и с переездом порешаем. Не сегодняшняя забота. Ты лучше про себя расскажи. Как вы тут? Смотрю, дошла – кожа да кости.

– А с чего справной быть? Поломойничаю. Зараз в школе, в сельсовете да в клубе. Но и дом на мне, огород. Хучь ещё Володька помогает.

– Пацаны-то как? – Иннокентий поднялся из-за стола, шагнул к маленькой светёлке за занавеской.

– Не разбуди, – поднялась и шагнула следом Фима. – Гришенька с вечера что-то забеспокоил, кабы не простымиши...

– Ишь, богатырь! – хрипло прошептал Иннокентий, вглядываясь в полумрак спальни – на разметававшегося во сне, посапывающего сына. – А Володька?

– Так они с твоим дружком Гохой уже неделю в тайге, на зимовье, охотой промышляют. Большой стал, выше меня вымахал, только тощий, как жердь. Но жилистый. Говорю же, первый мне помощник. Кабы не он, куда мне одной с огородом да в стайке управиться. Особливо с картошкой. На ней-то и выживаем. Но, правда, родня твоя тоже не оставляет. То мяса кусок подкинут, то салыца с мучицей вот подсобили...

– Гоха как?

– А чё Гошка... В бобылях. Степанида-то в тридцать четвёртом по осени родами померла, царствие ей небесное! С тех пор – сам по себе, даже сродственников чурается, разве что со старшим брательником Сашкой якшается. А как ему не якшаться, когда у того четверо Гошкиных малых живут, Сашкина Елена-то пуста оказалась, так ей эта четверня как утешенье. От так! А с Гошкой Матвей, старшой, да Нинка, хотя Нинка больше у Елены на подхвате, к Гошке навещается – чё-то там сготовить, прибраться по-бабы, а то и вовсе мужички задичают. Оне и так дикие, что Гошка, что Матвейка, – больше в тайге. Иногда и нам то зайца закинут, то косули лопатку. Вот Володька за ними и увязался – сам в добытки метит.

– Это сколь уж Матвею?

– Так девятнадцатый пошёл.

– Скоро в армию загребут.

– Загребут, Боже праведный... – вздохнула и перекрестилась Фима. – Гошка давеча как раз про это плакался. Спасибо ещё, Иисусе милосердный, что войны нет, отслужит Матвейка да живой возвратится...

– Захаживает, значаца, Гоха... поплакаться...

– Ты чё удумал?! Креста на тебе нет! – отшатнулась Фима.

– Эт точно – креста на мне нет, – усмехнулся Иннокентий. – А с чего мне его на шею паялить? Вот ты причитаешь: «Боже праведный, Иисусе милосердный...», а где оно, это милосердие? В чём? В том, что справное наше хозяйство, которое не одно поколение нагорбатило, растащили нехристи? Али в том, что заместо него всучили мне кирку с лопатой на восемь годков да повелели ударничать за пайку каналармейцем? «От жаркой работы растает твой срок!» – на каждом столбе такие плакаты там висят, а срок-то особливо не таял! Думал, и вправду, по зачётам раньше освободят – куды с добром! С канала Волга – Москва сослали на Среднюю Волгу. Там бы и добил срок, да начальничек местный проходу не давал. Из комбедчиков. Кто из кулаков – ему как серпом по яйцам. Особливо ежели из сибирских – видно, где-то у нас орудовал. В общем, засветило мне новым сроком по его милости. Вот и пришлось дёрнуть от греха подальше...

Иннокентий досадливо отмахнулся рукой, как морок отгоняя.

– Слышь, хорошо бы баньку спроворить... Жива банька-то наша?

– Жива-а. Конечно, подлатать давно просит, но покуда жар держит. Там и шайка чистая, и Володька воды давеча в кадушку натаскал. И веники. С мыльцем вот только – обмылочек.

– Ты это... Исподнее мне поищи. Хорошо бы и запасную пару. И рубаху бы какую чистую, штаны. Что на мне – так это только в печку, завшивел, пока добирался. Керосина чеплашку плесни, живность окаянную вывести. А баней сам займись. Да, как всё сгоношишь – тащи туды. Ага, ножницы прихвати – космы подровнять.

– Щас-щас... – засуетилась Фима. – Сберегла я кое-чё, ожидаючи. Ребяшне, правда, пришлось пару твоих рубах перешить, уж не сердчай. Но и штаны твои справные и лапсердак – это в целости-сохранности...

Ранним утром, закинув за спину старую котомку с парой белья, полукараваем хлеба и шматком жилистого сала, Иннокентий подался к тракту, расцеловавшись напоследок с женой и строго-настрого наказав ей держать рот на замке. Младшего не будил, как ни хотелось потешиться. Но, с одной стороны, чего пужать, кады тятюку ему и не признать – в люльке сопел, когда в тридцатом со двора повели папаню. А с другой стороны, дитя неразумно – а как прозвенит колокольчиком про тятюкино появление? В общем, ночь доспал в баньке, оттуда и подался задами из села.

И было это аккурат в канун годовщины Октября – морозным и ветреным утром 6 ноября одна тыща тридцать шестого года. Гулял ветерок вдоль Ингодинской долины, подталкивал в спину: «Иди, поспешай, ищи свою долю!», свистел возле уха: «Ищи, да оглядывайся! Хотя и далеко ты сбёг, а в энкеведэ не дураки – почитай, враз смикитили, что беглому одна дорога – к порогу родненькому...» Хотя, конечно, сильно настырно искать не будут – это ещё в лагере уразумел: за каждым ссыльным гоняться – никаких вертухаев не хватит. Тут уж пока сам не обнаружится, беспаспортной раззявой. Об чём и думать наперво надобно. Ну да бог не выдаст – свинья не съест...

Ещё пару раз, так же ночью, навещался Иннокентий домой. Пока ничего не мог сообщить жене утешительного. Работа подворачивалась, но больше временная. Вроде бы на бывшей Татауровской лесной даче, переименованной в лесхоз, вполне можно было обустроиться, но и там кукинские объявились.

– Подле Бургени, за Читой, посоветовал мне один знакомый на лесопилку наведаться, – делился с женой Иннокентий в свой последний приход, сунув ей комок мятых денежных купюр. – Подамся, погляжу.

– Батя, мне бы с тобой! – придвинулся Володька. В последние приходы от старшего сына Иннокентий уже не таился. Не получилось. Но крепкое слово взял, что не проболтается никому и нигде.

– Ты чё? А мать как? Кто ей в помощь? Гришка, что ли? Ты это брось! – погрозил сыну пальцем. – Не последний день хлеб жуём да киселём запиваем. Говорено же: как плотно осяду – зараз всё и порешаем. Пока батька жив – при нём будете! А пока – терпеть. Мужик ты али как? Хозяйствуй покедова, Володька, за старшего. Большую надёжу на тебя имею. И это... носы не вешайте, недолго вам осталось, обещаю...

Иннокентий в очередной раз ранешней заутреней подался восвояси. Вроде бы и не углядел никто.

Но Гоха Колычев, заходя к Пластовым, отметил про себя, что Фима как бы переменилась. Ишь, то лишнего слова не выдавишь, вдругорядь и вовсе поздоровкается при встрече и только, а третьего дни, эвона, улыбочкой одарила! И Володька ейный не смурным шатается, повеселел с чего-то парень. Перемены Гоха отнёс на свой счёт.

И нарисовался к Пластовым в выходном пиджаке, начищенных сапогах с лакированными голяшками, новой плисовой рубаше.

– Чой такой нарядный? Вроде и праздника никакова нету, – встретила его Фима.

– Да мне завсегда праздник с тобой повстречаться! – выпалил Гоха заранее обмусоленную фразу.

– Ишь ты, кавалер какой! Не староват выгуливаться?

– Но дак и ты от меня недалеко ушла, – выпалил Гоха.

– Далеко, Георгий, далече, – грустно ответила Фима. – Вон двое по лавкам и... – Улыбнулась чему-то.

– Да ладноть! Наоборот, расцветашь. Раздобрела вона! Само время на крепкое мужское плечо опереться, Фима.

– Уж не ты ли плечо собрался подставлять?

– А что? – Гоха шагнул к женщине, облапил сзади за груди. Жарко зашептал в ухо: – Чево бы нам и не сладиться, Фима? Чай, не чужие... Я ж завсегда к тебе с добром и симпатией...

– Ну-ка, выпусти! – Дёрнулась всем телом. – Слышь?! Не охальничай! Расцепи ручиши! Совсем сдурел! Ты чё задумал, Гоха? При живом муже... Отпусти, сказала! Да кабы и одна была, – тщетно пытаюсь высвободиться, выкрикнула Фима, – на кой ляд ты мне сдался, кобелина! Степаниду в могилу загнал, к Дашке Бродягиной шастая, а теперича до меня добрался! Отпусти, образина чёртова!

– Отпусти мамку! – вцепился сзади в Гоху залетевший с улицы Володька.

– Пшёл, щенок! – рявкнул Гоха, отпинывая парнишку.

– Отпусти мамку! – снова выкрикнул тот, загремев ухватом.

– Ух ты! – расцепив наконец лапы, повернулся к Володьке Гоха. – Ну, давай-давай, попробуй! Прибью, как кутёнка!

– Уйди! – заступила между Гохой и сыном Фима. – Уйди Христа ради...

– Зря ты так, – опустил на лавку, тяжело дыша, Гоха. – Зря... А ты чево на меня кидаешься? – посмотрел исподлобья на Володьку. – Мало мы с тобой любо-дорого охотничали? Как с родным валандался, э-хе-хе... – Перевёл хмурый взгляд на Фиму: – И каво ты кочевряжишься? «При живом муже»! А где он? Ау-у! – прокричал дурашливо, с издёвкой. – Ты вот баба умная, а до одного не дотумкаешь: сгинул Кешка окончательно. Коли за столь лет весточки-крохотулечки об себе не подал – стало быть, амбец ему.

– Да что ты знаешь! – крикнула Фима и осеклась. А Володька за её спиной угрожающе перехватил ухват.

– О-хо-хо! – с кривляньем поднялся с лавки Гоха. – Ну и крест вам в лоб! Ослободи дорогу! – крикнул Володьке и шагнул к дверям. За порогом обернулся и процедил пареньку: – Ты теперича с энтим ухватом по лесу и шастай. С таким оружием тока на медведя и ходить! А со мной – заказано, а то спужаюсь да пальну в твою сторону ненароком. Ха-ха-ха! – И гулко протопал через сенки прочь...

Снова домой Иннокентий наведался в июле. Открыто заявился. Аккурат к событию: разродилась женушка дочуркой! Обрадовался! Тамаркой окрестили. Понятно, втихую, на дому. Домочадцев Иннокентий в этот раз обнадёжил: вроде бы по-путному всё с работой срастается – устроился работать на лесоучасток Читинского лесозаготовительного треста – через реку за селом Шишкино. И не просто он, Иннокентий, там сучки рубит, а назначен десятником – целая бригада в подчинении. Снова снабдил жену деньгами.

В сентябре появился снова.

– Значит, так... – С нарочитой важностью глянул на Фиму. – Моё начальство, отмечая добросовестный труд десятника Пластова... – Замолчал, выдерживая паузу, потом рассмеялся и закончил: – ...выписало ордер на заселение в леспромхозовскую казарму, выделив мне, как семейному и многодетному, аж двухкомнатные хоромы!

Но чуть погода, виновато почесав затылок, добавил:

– С подселением, правда. Жиличка у нас в одной комнате будет.

– Это как – жиличка? – упёрла руки в боки Фима. – Стало быть, пока мы здесь, ты там с бабой гужеванишь?

– Окстись, Фим. Надобность крышу над головой иметь не только у нас. Начальство так решило.

– Ты глаза-то не отводи! Что за баба? Молодайка?

– К молодым не отнесу. Зовут Пелагеей, сама из Верх-Читы. Это недалеко от Шишкино. Их с мужем раскулачили да сослали, а она из ссылки тоже сбёгла. Так что вроде как товарищ по несчастью.

– И на этой почве, стало быть, вы...

– Не мели, Емеля! – недовольно одёрнул жену Иннокентий. – Каво чудишь-то! Кабы с ней снюхался – нужда мне тады к вам в Куку навевываться да обещаниями кормить. К тому же, – хмыкнул, глядя на Фиму, – у Пелагеи посолиднее меня кавалер имеется – приятель мой Сергей Данилович. Мужик степенный, солидный, на червонец меня постарше. А!.. Не о том говорим! Я-то чево приехал – сообщить: начинайте потихонечку в дорогу скорб увязывать. В задних числах октября добрую подводу найму да и приеду за вами. Эх-ха, чево всполошилась! Загодя о точном дне весточку пришлю.

В этот раз Иннокентий пробыл дома ажно целых четыре дня.

Наконец-то малой сынок батьку воспринял, почувствовал родную душу, потянулся. А то лишь глазёнками испуганно зыркал из угла; за столом сидел насупившись и опасливо обходил незнакомого дядьку. Когда же Иннокентий подхватил его на руки – заорал, уливаясь слезой: «Мамка! Мамка!»

Но потихоньку сладилося. И от этого так радостно Иннокентию стало, хоть самому слезу пускай. Вот только за минувшие годы высохли слёзы, как и в помине не было. Ай, да чего там! И раньше Иннокентий ими не страдал – негоднее дело для мужика.

Когда стал собираться отец в обратную дорогу, Володька, улучив момент, прильнул к батиному плечу.

– Тять... – несмело начал и замолчал.

– Ну чево ты? – обхватил Иннокентий сына. – Только опять со мной не просись. Как наказывал – за старшого на хозяйстве.

– Я не про то, тять... – Володька шумно выдохнул и решился: – Тут этот Гоха к матери лез. Еле отбились...

– Ну-ка, ну-ка! – посуровел отец. – Что за новости? Когда?

– По весне ишшо... Пришёл и давай талдычить: мол, сгинул ваш батя, незачем его ожидать... Стал предлагать мамке с ним сойтись...

– А мамка?

– Отталкивала, ругалась. Да и я понужнул. Ухватом... А он грозился, кады уходил...

– Добре! Это по-нашему! – засмеялся Иннокентий. – А што грозился – плюнь и забудь. Селезёнкой дядька Гоха не вышел. Он тока на словах такой грозный. Не бойсь! Немного вам тут осталось, а опосля и про страхи забудете, и про этого Гоху-слютяя.

Успокоил Иннокентий сына, но сам не успокоился. Вечерком прогулялся до избы Колычева.

– О-ох! Кеша! – засуетился приятель-сродственник, когда в избу вступил незванный гость. – Ты откуда, братка?! Уж и не чаял свидеться! Столь времени кануло... Слыхивал, что ужо был у своих... А чё не зашёл?..

Гоха заметался по кухне, схватил с печной плиты полуведёрный, булькающий чайник, бухнул на стол, загремел жестяными кружками, вытянул из колченогого поставца блюдце с колотым рафинадом, высыпал на стол из бумажного кулька круглые пряники.

– Ну, ты! Отмучился, братка? Вот радость-то! – скороговорил хозяин, сыпя в пузатенький глиняный чайничек заварку. Залил кипятком под крышечку. Снова кинулся к поставцу, извлёк оттуда бутылёк, заткнутый свёрнутым газетным обрывком. – А по маленькой за возвращеньице? Под сальце? У меня и дичина холодная имеется... С дочей опять же тебя!.. Замыть, замыть пяточки треба!

– Не суетись, – остановил Гохину беготню Иннокентий. – Присядь. Да... Давненько мы с тобой не виделись... Стало быть, Степаниду схоронил?

– Схоронил, Кеша, схоронил... – Опустился на краешек табуретки супротив Иннокентия приятель, скорбно поджал губы, понурился.

– Да ты передо мной так сильно-то не убивайся, – усмехнулся Иннокентий. – Дашка-давашка небось горе твоё скрашивает, как и до того, аль в други лукошки заглядывашь?

– А что? – вскинул глаза Гоха. – Запрещено? Как будто ты без греха. Нету, Кеша, безгреховных, нетути! Хотя бы и Дашка. И сам бы мог попользоваться...

– Доедать опосля тебя, ли чё ли? – брезгливо осведомился Иннокентий.

– Да ладно, шутю! Так ты чево раньше-то глаз не казал? В село-то, хе-хе-хе, уже давненько паштаешь, – гаденько так захихикал, намекая на беременность Фимы, – а меня обходишь...

– Шутишь, стало быть... А я вот к тебе не шутковать пришёл, – холодно произнёс Иннокентий, подрагивая желваками. – Как у тебя там с какими бабами – это мне без интересу, но ежели ты сызнава к Фиме подкатишься иль Володьку попытаться в оборот взять – убью. Ты меня знаешь – слово держу. Меж нами разговор, понял? Кто прознает – Фима или Володька – считай, ты себе приговор обозначил. Уразумел?

Не дожидаясь ответа застывшего на табуретке Гохи, столь похожего в эту минуту на суслика-тарбагана, сторожко вытянувшегося столбиком на гребне своей норки, Иннокентий, пригнувшись под низкой дверной притолокой, шагнул из избы.

Уехал он из Новой Куки утром следующего дня.

А Гоха Колычев погрузился в полный душевный раздрай. Первая мыслишка выглядела спасительной: сообщить об угрозе жизни в органы. Даже если Кеха на свободе гуляет законно, всё равно с него спросят. Однако а чего с него спросят? Свидетелев нет. Отопрётся запросто. Кто вообще видел, как он к нему, Гохе, наведалься? По темноте пришёл, по темноте ушёл. И скажут Гохе, что наводит он тень на плетень. А как вдобавок Володька с Фимой заявят, что он, Гоха, лез к хозяйке, получил укорот, а теперь и мужика решил оговорить? И про его, Гохину, напраслину сразу же известят Кеху. Ну а опосля... Холодный озноб пробрал Гоху. Запросто свою угрозу Кехе привести в исполнение. Подкараулит на лесной тропке...

Вторая мыслишка брезжила надеждой: а ежели Кеха таки из лагерей сбёг? И ох как захотелось в это поверить – спасу нет. Но вот как узнать?

Умная мысль приходит опосля. Вправду говорят: утро вечера мудреней. Через пару дней поутру как в голову стукнуло – выждать надобно! Пару-другую недель. А вот потом в органы сообщеннице заслать. И никто на него не подумает. Ведь как рассудят Кеха или Фимка с выкорыщем: ежели бы от него, Гохи, исходило, то чево столь времени молчал, а не сразу жалиться поспешал? А так... В селе-то что, один Гоха Кеху видел? И другие, ясен пень, видели. Поди догони, кто сообщил!

Неприятно засвербило, когда узнал, что уехал Кеха Пластов куда-то. Но раз семейка тут – вернётся, обязательно вернётся. И вот, как снова появится – так и самое время сообщить, куда следует. И успокоился Гоха, выполз из душевного раздрая.

Иннокентий появился в селе вечером 22 октября. На трёхтонке! Сгрузили поутру Пластовы в объёмистый кузов своё барахлишко, мешки с картошкой, кадку с квашеной капустой закатали. В кабине к шофёру Фима с малыши угнездилась, в кузов на узлы забрались Иннокентий и Володька. И запыхнул грузовик из села к тракту.

«Самое время! – засобирался на станцию Гоха. – Знать бы, куда подались...» Но осторожные расспросы знакомых сельских баб-говорушек, перемышляющих внезапный отъезд Пластовых, ничего Колычеву не прояснили. Но сообщение заслал. Впрочем, органы и без него дознались, куда подались Пластовы. Кто ж вот так просто покинет деревню, без сельсоветской справки, заменяющей сельчанину паспорт, не сообщив, куда выбывает!

...Ранним утром 31 декабря 1937 года в ещё непроснувшийся посёлок Красный Яр вполз выдавший виды, крашенный-перекрашенный чёрной паровозной краской автобус ГАЗ. Заскрипел тормозами у леспромхозовской казармы, полоснув светом фар по окнам. Из автобусного нутра шустро выскочили шестеро в военных шинелях с малиновыми петлицами, гулко застучали сапогами по коридору казармы. У двери одного из помещений остановились, один бесцеремонно забабахал кулаком в дверную филёнку.

– Да шас, шас! Не колоти! И так ребятню переполошил, мать твою! – раздался чуть погодя недовольный мужской голос.

Дверь распахнулась. Высокий босой мужик в исподней рубаше и портках ошарашенно уставился на пришедших. Вот уж кого не ждал, думал: по работе чего случилось ни свет ни заря.

– Гражданин Пластов Иннокентий Илларионович? – осведомился один из «малиновых».

– Он самый... – кивнул мужик, сбрасывая остатки сна и осознавая цель раннего появления незваных гостей.

Его тут же оттерли плечами трое шагнувших в комнаты, а один толкнул к столу:

– Сидеть и не рыпаться!

У дверей застыли ещё двое. В обеих комнатах запалили свет. Иннокентия резанул по ушам закатывающийся плач маленькой Тamarки и громкий рёв Гришки.

– Мамаша, короедов успокойте! – крикнул кто-то со злостью.

– Гражданин Пластов, – обратился к Иннокентию присевший напротив него за стол, по всей видимости, старший в этой чекистской команде. – Вам предъявляется обвинение по факту побега с места ссылки, а также вы достаточно изобличаетесь в том, что являетесь участником контрреволюционной кулацкой группы, занимаетесь вредительством и проводите антисоветскую агитацию против советской власти на селе.

Иннокентий долго молчал, потом глухо выдал:

– Из ссылки бежал, был грех. А остальное, гражданин начальник, – полная напраслина. Работаю ударно от зари до темна, некогда контрреволюцию разводить.

– Следствие разберётся. А пока зачитываю вам постановление об избрании меры пресечения: «Гражданина Пластова Иннокентия Илларионовича привлечь в качестве обвиняемого по статье 58–10 УК РСФСР, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей в Читинской тюрьме в соответствии приказа наркома внутренних дел Союза ССР № 00447». Собирайтесь, Пластов!

Старший чекист обернулся к троице в соседней комнате:

– Ну что там у вас?

– Пусто, товарищ младший лейтенант.

– Ну и не хер тут расслаиваться, ещё обратно сорок с лишним вёрст пилить, да и там валандаться. Так и новогоднее застолье просерем!

В комнате оглушительно захохотали, что вызвало очередной прилив детского плача.

– Шибче, шибче, Пластов! – нетерпеливо подгонял чекист, пока Иннокентий одевался-обувался, а растрёпанная, с побелевшим лицом Фима, накинув на плечи старую шаль, складывала на чистую холстинку надрезанный круг подового хлеба, варёные картофелины в кожуре, кусок отварной дичины, спичечный коробок с солью, серые кусочки рафинаду. Глядя на женщину, непослушными пальцами пытающуюся завязать узелок, съязвил: – Сильно не балуй, и на государственном коште с голоду не помрёт!

У дверей Иннокентий остановился, повернулся всем корпусом к застывшим на пороге дальней комнаты домочадцам:

– Прощевайте... Володька! Как наказывал – за старшего... Не реви, Гришаня, держись за брата... Фима... Прости, Фима... Наобещал я вам... Э-эх! – Пластов бросил пронзительный взгляд на жиличку Пелагею, укачивающую на руках Тamarку, обречённо махнул рукой и решительно шагнул в тёмный коридор.

Через полчаса, перебудив всю казарму и оставив подле крыльца облако вонючего дыма, автобус укатил.

А в вечерних сумерках жиличка Пелагея задами прибежала к избе-развалюхе, где ютилась семья Таранов, вызвала хозяина во двор.

– Уже знаешь небось, что Иннокентия заарестовали и в Читку увезли?

– Как не знать, – ответил Сергей Данилович, опасливо оглядываясь. – А ты чего сюда нагрянула? Говорил же...

– Да брось ты! – отмахнулась Пелагея. – Кому наши шашни...

– Молчи!

– Кончай трястись! Дело надо сделать.

– Какое, к лешему, дело?

Пелагея вплотную придвинулась к Тарану:

– Винтовку надёжно спрятать надобно.

– Каку таку винтовку?!

– Ты дурачком-то не прикидывайся, сам с Дроздовым и Кешей на охоту ходил.

– А ты-то с чего всполошилась?

– Так Кеша у меня под матрасом её хранил, от пыли уберегал.

– Нашёл место, язви его! – выругался Таран. – Он бы тебе её ещё засунул...

– Заткни пасть! Лучше думай, куда понадёжнее спрятать.

– Куда-куда... Ладноть! К дороге на лесосеку сможешь вынести?

– Да уж постараюсь.

– Вот щас и дуй. Да только это... обмотай во чё-нибудь да под тулупом выноси, а то в казарме вашей глаз полно.

– Не дура.

– Ага. Через часок на отвороте дороги жду.

В потёмках Пелагея с престарелым хахалем, чертыхаясь и треща валежником, поблуждали опушкой сосняка, наткнулись на ещё непромёрзшую кучу навоза. В ней и спрятали винтовку, завернутую в тряпки, а сверху в кусок брезента, предусмотрительно захваченного Сергеем Даниловичем. И облегчённо перевели дух. Совершенно напрасно – эти их блукания засёк один из казарменных жителей, Тимофей Бянкин.

Спроворил его чёрт с лесосеки пешедралом тащиться. Услышав треск, чуть в штаны не наделал: думал, медведь-шатун поблизости ломится. А потом человечьи голоса различил. И стало Тимофею интересно: чегой-то народ под ночь по лесу шарится? Голоса вскоре приблизились, и присел осторожненько Тимофей за молодыми сосёнками. Тут и вышла к дороге парочка. Кто такие – не разглядеть, а когда баба голос подала – узнал: Парашка-повариха, в соседях живёт, у Пластовых.

– А как кто из огородников на эту кучу позарится?

Так спросила повариха, а напарник ейный в ответ пробурчал:

– Кому он, к херам, до весны нужен! Через пару дней ломом не отколупашь.

Ответившего поварихе мужика Тимофей по голосу не признал. Но любопытство и вовсе через край попёрло! Куча... Какая куча? Смекнул – навоз. И чево-то эта парочка в него затырила. Повариха что? Продуктишки могла на кухне спереть, но не в говно же коровье их пихать. Стало быть, не продуктишки. А что?

Тимофей прислушался. Парочка, пожалуй, уже до посёлка добралась. Но где по темноте искать эту навозную кучу? Ежели тока завтра пошукать...

С этим намерением Тимофей доташился до дому. А в казарме жёнка страшную новость сообщила: Кеху Пластова арестовал НКВД, и в квартирке ихней всё перерыли.

Вот тут-то Тимофей испугался по-настоящему, куда там с медведем-шатун! Стало быть, не всё чисто с Палашкой-поварихой. Схоронила чего-то, что энкавэдэшники проглядели! О-о, тогда эту кучу навозную в лесу искать себе дороже. Наоборот, надо цидульку в органы заслать, но так, чтоб не учуяли, чья писулька. Накорябал бумажонку Тимофей печатными буквами да левой рукой, мол, так и так, бдительно сообщаю, что прячут пришлые поселковые, дюже подозрительные людишки чего-то в лесу. Ну и конечно, чтобы зазря органы не шерстили весь народ подряд, фамилию поварихи тоже накорябал. А днями спустя, выбравшись по хозяй-

ственным делам в Шишкино, крадучись, опустил письмецо с незамысловатым адресом «Чита, НКВД» в почтовый ящик.

Что бумага дошла до нужного адресата, убедился через пару недель. На Красный Яр снова прикатил зловещий чёрный автобусик с чекистами.

Вывели под белы ручки из казармы Пелагею, а позже стало известно, что забрали с ней вместе и ночного сторожа лесоучастка Тарана, а в лесу нашли винтовку с патронами.

– Били Палашку, за космы таскали, – пересказала мужу Нюра Бянкина. – На весь коридор слышно было. Допытывались, куда и чего спрятала...

И ещё дважды приезжал в посёлок чёрный автобус: 5 февраля увезли заведующего тракторной базой лесоучастка Паху Дроздова, 10-го – охотника Семёна Челнокова. А вместо них поселился в посёлке страх. От каждого ночного или предутреннего шороха отбивало сон, рокот любого автомобиля, слышимый в посёлке уже от моста через Читинку, заставлял сердце учащённо колотиться. А уж наезды на Красный Яр участкового милиционера из Шишкино и вовсе доводили баб до обморока. От жёнок арестованных шарахались как от прокажённых, дитям строго-настрого, до лупцевания ремнём, запретили с ихней ребятнёй якшаться. Не скоро всё это малость подзажило-пригасло, рубцы же остались, нет-нет да и напоминая о себе. Пропала вся соседская простота в общении, сменившись пугливой опаской.

А в высоких кабинетах областного Управления НКВД, недавно справившего новоселье в шикарном Шумовском дворце на центральной улице Читы, разворачивалось главное действо: шли интенсивные допросы кулацкого элемента, собранного по городам и весям Забайкалья. В том числе и контрреволюционной кулацкой группы, выкорчеванной на лесоучастке Красный Яр. Следственный конвейер работал без остановок, без заморочек, быстро и продуктивно.

Из протокола допроса Пластова И. И.

от 25 января 1938 года:

«Вопрос: Следствию известно, что Вы, после возвращения из ссылки и работая на ЛЗУ, так же как и ранее занимались к-р. антисоветской деятельностью. Признаете Вы это?

Ответ: Не признаю. Антисоветской деятельностью я после возвращения из ссылки не занимался...

Вопрос: Вы находясь на Красном Яре имели при себе какое-либо огнестрельное оружие?

Ответ: Никакого я оружия при себе не имел, в этом я заявляю утвердительно. *(Ответ заверен отдельной подписью Пластова.)*

Вопрос: Предъявляю Вам чешскую боевую винтовку с 32-ю б/патронами, она кому принадлежит, – не Вам ли?

Ответ: Нет эта винтовка не моя. Я ее не видал и не знаю.

Вопрос: Вы нахально лжете. Следствием точно установлено, что предъявленная чешская винтовка принадлежит Вам, вы ее скрывали от органов НКВД при помощи кулачки Шишкиной. Требую дать правдивые показания, где Вами взята с б/патронами предъявленная винтовка?

Ответ: Винтовка эта принадлежит Дроздову, зав участком тракторной базы. Оттуда он ранее ходил на охоту.

Вопрос: К этому вопросу мы еще вернемся, а теперь расскажите о своей к-р вредительской деятельности на лесозаготовительном участке “Кр. Яр”.

Ответ: Никакой к-р деятельностью я не занимался».

Из протокола допроса Пластова И. И.

от 3 февраля 1938 года:

«Вопрос: Скажите, кто получал лошадей от завхоза базы Шубакова, которые оказались изувечены на вывозке леса?

Ответ: Лошадь под кличкой “Бабай” была получена мастером Ледяной дороги Горбуль и Береговым Дмитрием. Лошадь “Бурят” была от Шубакова получена ночным сторожем Таран Сергеем.

Вопрос: Вы за этих лошадей отвечали как зав участком?

Ответ: Безусловно я за них отвечал как лесной мастер участка. Таран и Берегов находились в моем подчинении.

Вопрос: С каких пор Вы хранили при себе в скрытом виде чешскую винтовку, которая была обнаружена после Вашего ареста?

Ответ: С 16-го октября 1937 года.

Вопрос: Где Вы ее скрывали?

Ответ: Все время лежала под постелью у гр-ки Шишкиной Пелагеи...

Вопрос: Где Вы ее взяли?

Ответ: Мне ее привез нач. участка тракторной базы Дроздов Павел Прокопьевич 16-го октября 1937 года.

Вопрос: Где Дроздов взял винтовку и почему он ее именно Вам отдал на хранение?

Ответ: Где и когда Дроздов взял чешскую винтовку я не знаю. А винтовку он поручил хранить мне, потому что Дроздов приезжал на охоту в сторону нашего барака и ею пользовался. И с винтовкой на охоту ходил иногда и я.

Вопрос: Если винтовка принадлежит Дроздову, а не Вам, то что Вас заставляло ее скрывать и тем более под постелью постороннего человека?

Ответ: Винтовку я держал в скрытом виде под постельной принадлежностью у Шишкиной, чтобы не садилась на ее пыль. А почему у Шишкиной, то потому что у ее позволяла кровать».

Из протокола допроса Пластова И. И.

от 4 февраля 1938 года:

«Вопрос: Следствием доказано, что чешская винтовка с б/патронами принадлежит лично Вам, Вы ее достали нелегальным путём на стороне и обещались еще достать вторую винтовку зав. базой Дроздову. Подтверждаете Вы это?

Ответ: Нет не подтверждаю. Винтовка принадлежит завбазой Дроздову.

Вопрос: Зачитываю Вам показания свидетеля Дроздова, где он показывает, что чешскую винтовку Вы получали у своего знакомого старика на “Красном Яре”, хранили ее нелегально и обещались еще достать винтовку для Дроздова. Что Вы теперь можете показать?

Ответ: Я категорически отрицаю, чешская винтовка принадлежит лично завбазой Дроздову Павлу он мне ее передал на хранение приблизительно в половине октября м-ца 1937 года в присутствии мастера Ледяной дороги Горбуль Михаила Антоновича. При следующих обстоятельствах:

Я с Горбуль Михаилом шел по Ледяной дороге к бараку, нам на встречу попал Дроздов, ехал на лошади запряженная в ходоке. Где и мне Дроздов предложил взять от него винтовку и хранить ее где-нибудь в бараке, что мною и было сделано. Я его винтовку скрывал в бараке в течении 3-х м-цев. Позднее, Дроздов приезжал к нам в барак на охоту, поохотился и передал мне к винтовке пачку патронов, которые я скрывал в бараке вместе с винтовкой.

Кроме того в конце ноября м-ца 1937 г. Дроздов мне еще привез 30-ть штук боевых винтовочных патронов к 3-х линейке и велел их передать охотнику Челнокову Семену (Проживает в поселке “Красный Яр”) без определенных занятий, в большинстве случаев (большинстве случаев) занимается охотой. Я эти патроны 30 штук по просьбе Дроздова передал их Челнокову, как имеющему при себе нарезное оружие 3-х линейную винтовку.

Вопрос: Что из себя представляет Челноков Семен, от куда он родом, как попал на ЛЗУ, что Вам известно?

Ответ: Челноков Семен приезжий из с. Беклемишево Читинского р-на. Проживает на “Красном Яре” со всей своей семьей, с женой, и сыном Михаилом, работает десятником на приемке леса. Кто он такой в прошлом и причина его убийства из села Беклемишево мне не известны.

Вопрос: Вы предупреждаетесь, Вам делается очная ставка, с зав участком Дроздовым.

Ответ: Предупрежден (расписываюсь) – *подпись Пластова.*

Вопрос Дроздову: Вы подтверждаете свои ранее данные показания по вопросу изъятой чешской винтовки у Пластова. Кому она принадлежит?

Ответ: Признаюсь, что изъятая чешская винтовка с боевыми патронами в количестве 32-х штук принадлежит мне. Я ему передал в осенние м-цы 1937 года на хранение».

Из обвинительного заключения по делу № 09568:

«В начале 1938 года в 4 отдел УГБ УНКВД по Читинской Области поступили сведения о том, что на Тракторной Базе ЛЗУ “Красный Яр” Чит. Лестреста в Читинском районе проживает группа кулаков бежавшие с мест высылки в лице:

ПЛАСТОВ Иннокентий Илларионович 1896 года рождения, кулак, ранее был сужден по ст. 58–2–11 УК бежал из Конслагеря, работает мастером по лесозаготовкам.

ШИШКИНА Пелогей Назаровна 1908 года рождения, жена кулака, в 1930 году была выслана вместе с мужем за пределы Забайкалья с ссылке бежала.

ТАРАН Сергей Данилович, 1884 года рождения, бежавший кулак, ранее был сужден Тройкой ПП ОГПУ по ст. 58–10 УК на 5 лет Конслагеря.

ДРОЗДОВ Павел Прокопьевич 1903 года рождения. В 1937 году выгнан с военного строительства Заб. ВО, работает Зав. базой ЛЗУ

и ЧЕЛНОКОВ Семен Егорович 1888 года рождения, из крестьян середняков, в 1933 году бежал от коллективизации из села Беклимишево Чит. Р-на, проживает в поселке “Красный Яр” без определенных занятий.

Перечисленные лица имеют при себе в скрытом виде нарезное боевое оружие с боеприпасами, в обоюдном согласии хранят его нелегально – выкраденное Дроздовым из склада УВСР № 445 – снабжал таковым к/р кулацкий элемент и вместе с тем занимается антисоветской агитацией направленной на дискредитацию орг. Сов. власти.

РАССЛЕДОВАНИЕМ УСТАНОВЛЕНО.

1. ДРОЗДОВ, до сентября м-ца 1937 года работая Пом. Нач. УВСР № 445 ЗВО, занимался хищением боевого оружия и патронов со склада УВСР. В 1933 году выкрал новую чешскую винтовку и 130 шт. боев. патронов, хранил таковые при себе в скрытом виде до 1938 года.

2. Осенью 1937 года снабдил оружием и боеприпасами бежавшего кулака из концлагеря Пластова Иннокентия. Полученную чешскую винтовку с 32 б/патронами, ПЛАСТОВ при помощи кулачки Шишкиной Пелогей, скрывал под постельной принадлежностью у последней.

3. В момент ареста и обыска, в квартире Пластова 31/ХП-37 г. Шишкина имея цель, чтобы указанное оружие осталось необнаруженным сотрудниками УНКВД подговорила кулака Тарана Сергея, они перепрятали указанное оружие с патронами в куче навоза в лесу. И позднее при неоднократных допросах сотрудниками УНКВД выдать скрытое оружие категорически отказывалась.

4. Аналогично этому Дроздов через посредника кулака Пластова осенью 1937 года снабдил боевыми патронами от 3-х линейной винтовки в количестве 45 штук ЧЕЛНОКОВА Семена Егоровича, проживающего в поселке “Красный Яр” без определенных занятий.

5. Вместе с тем ДРОЗДОВ среди рабочих Тракторной Базы занимался антисоветской агитацией, дискредитировал органы Советской власти в проводимых мероприятиях, оскорблял рабочих, занимался очковитательством.

На основании выше изложенного обвиняются:

1. ДРОЗДОВ Павел Прокопьевич...

В ТОМ ЧТО: До 1937 года работая Пом. Нач. УВСР № 455 ЗКО, занимался хищением боевого оружия из склада, держал таковое в скрытом виде, похищенным оружием снабжал к/р кулацкий элемент работающий в Лесной промышленности. Работая Зав. Тракторной Базой, занимался очковтирательством перед выше стоящими организациями, о подготовленности работ. Проводил антисоветскую агитацию, высказывал клевету на органы Советской власти, комсомольцам базы говорил: “Не слушайте эти сообщения, что передают по радио, Советская власть судит виновных и не виновных, ни в чем не разбирается”. Рабочих базы своих подчиненных оскорблял разными похабными кличками: “шпион, чанкайши, гитлер”. Допрошенный в качестве обвиняемого **ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ПОЛНОСТЬЮ**. т. е. преступлением предусмотренным ст. 58–10, 182, 193 п. 28 УК РСФСР.

2. ПЛАСТОВ Иннокентий Илларионович...

В ТОМ ЧТО: Самовольно вернувшись ссылке и работая на ЛЗУ в “Красном Яре”, имел тесные связи с к/р кулацким элементом хранил при себе, боевое оружие похищенное из войсковой части Дроздовым. Во время обыска от органов НКВД укрыл. По поручению Дроздова снабдил боевыми патронами в количестве 45 шт. гр-на Челнокова, проживающего в ЛЗУ без определенных занятий. Вместе с кулаком Тараном занимались вредительством изувечили трех лошадей, принадлежащих хоз-ву ЛЗУ. Допрошенный в качестве обвиняемого **ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ**.

3. ШИШКИНА Пелагея Назаровна...

В ТОМ ЧТО: Имела тесную связь с беглым к/р кулацким элементом, Пластовым и Тараном. В момент ареста и обыска Пластова, являлась пособником в укрытии боевого оружия хранившегося нелегально у кулака Пластова. По поручению последнего и через посредника кулака Тарана, скрыла чешскую винтовку с патронами в лесу. При неоднократных допросах сотрудниками НКВД, выдать оружие категорически отказывалась. Допрошена в качестве обвиняемой **ВИНОВНОЙ СЕБЯ ПРИЗНАЛА** т. е. преступлением, предусмотренным ст. 182 УК РСФСР.

4. ТАРАН Сергей Данилович...

В ТОМ ЧТО: являлся участником в укрытии боевого оружия похищенное Дроздовым из в/части. В месте с кулачкой Шишкиной в момент ареста и обыска кулака Пластова, чешскую винтовку с патронами спрятал в кучу навоза в лесу. Занимался вредительством, летом 1937 года вместе с кулаком Пластовым изувечил три рабочих лошади принадлежащие хоз-ву ЛЗУ из них две пало. Допрошенный в качестве обвиняемого **ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ** т. е. преступлением, предусмотренным ст. 58–10–11 и 182 УК.

5. ЧЕЛНОКОВ Семен Егорович...

В ТОМ ЧТО: Проживая на Лесозаготовительном участке “Красный Яр” имел связи с к/р кулацким элементом, хранил при себе в скрытом виде боевые патроны, переданные кулаком Пластовым. И боевую 3-х линейную винтовку, приобретенная им в 1935 году в с. Беклимишево у кулака Глотова. Допрошенный в качестве обвиняемого **ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ** т. е. преступлением, предусмотренным ст. 182 УК РСФСР

П О С Т А Н О В И Л:

Настоящее след. дело № 09568 на Дроздова Павла Прокопьевича, Пластова Иннокентия Илларионовича, Шишкину Пелагею Назаровну, Тарана Сергей Даниловича и Челнакова Семена Егоровича подлежит рассмотрению Судебной Тройки УНКВД по ЧО согласно приказа НКВД СССР № 00447.

Оп. Уполн. 3 отд-я 4 отдела УНКВД ЧО

Мл. Лейтенант Гос. Безопасности...

«СОГЛАСЕН» Зам. Нач. 4 отдела УНКВД по ЧО
Лейтенант Гос. Безопасности...

СПРАВКА: Вещ. Доказательства, чешская винтовка с 32 боевыми патронами, и 3-х линейная винтовка с 45 – боев. патронами.

Изъяты сданы в комендатуру УНКВД по ЧО.

“ВЕРНО”: Оп. Уп. 3 отд-я 4 отдела УНКВД ЧО

Мл. Лейтенант Гос. Безопасности...»

ВЫПИСКА

из протокола № 53 заседания особой тройки УНКВД по Читинской области

От 28 февраля 1938 г.

«СЛУШАЛИ

Дело № 08956 по обвинению:

ДРОЗДОВА Павла Прокопьевича...

ПЛАСТОВА Иннокентия Илларионовича...

ШИШКИНОЙ Пелагеи Назаровны...

ТАРАНА Сергея Даниловича...

ЧЕЛНОКОВА Сергея Егоровича

ПОСТАНОВИЛИ

ДРОЗДОВА Павла Прокопьевича...

ПЛАСТОВА Иннокентия Илларионовича...

ШИШКИНУ Пелагею Назаровну...

ТАРАНА Сергея Даниловича...

ЧЕЛНОКОВА Сергея Егоровича – РАССТРЕЛЯТЬ. —

Лично принадлежащее каждому имуществу конфисковать.

Нач. 1-го СПЕЦ. ОТДЕЛА УНКВД ЧО

Ст. Лейтенант Гос. Безопасности...

(Гербовая печать)»

«**СПРАВКА**

Приговор в отношении *Пластова Иннокентия Илларионовича 1896* осужденного Особой Тройкой УНКВД по Читинской области от “28” *февраля 1938* года к *расстрелу* приговор приведен в исполнение “30” *марта 1938* года.

Нач. 1-го Спецотдела УНКВД Чит. обл.

лейтенант Госбезопасности...»

«Подельники» Пластова были расстреляны в тот же день. Выкорчёвывание «контры» на Красном Яру уложилось ровно в три месяца. Но вот как раз за это, по глубокому убеждению начальника областного управления майора госбезопасности Хорхорина, надо было больно стучать по голове – выполнение его приказа неоправданно затягивалось. На всё про всё Хорхорин

дал районным аппаратам НКВД три недели, приурочивая итоговый отчёт о выполнении приказа № 00447 в ГУГБ НКВД ко дню первой годовщины сталинской Конституции:

Из почтограммы в РО УНКВД от 14 ноября 1937 г.:

«Проводимые сейчас операции по антисоветским элементам по районам Читинской области идут исключительно медленными темпами. Операции по кулакам и уголовникам, отнесенным в 1-й категории, разворота пока не получили. Следствие по всем делам затягивается на 2–3 месяца, ведется без достаточной настойчивости, инициативы, отсюда ничтожные поступления законченных следствием дел на рассмотрение Особой Тройки...

Приказываю:

– Форсировать проведение операций по антисоветским элементам. Срок окончания по этим операциям устанавливается до 5 декабря с.г.

До этого срока приурочьте все аресты.

– Чтобы оперативные приказы Наркома о решительной очистке районов от контрреволюционных элементов были выполнены полностью, никаких ходатайств на продление сроков приниматься не будет.

– К 5 декабря представить итоговые докладные записки о том, каких результатов мы достигли и какие выводы для нашей работы надлежит делать на будущее».

– Плохо! Очень плохо! – Хорхорин свинцово оглядел застывшего перед ним младшего лейтенанта Павлюченко. – Почему такое пустяковое дело растянули на три месяца? Что за, мать вашу, оперативные игры с какой-то шелупонью устроили? Три месяца с пятью недобитыми кулаками валандались! Сразу надо было, как только информация появилась, брать всех и колоть! Недели бы – за глаза!

– Начальник отделения указание дал тщательно разработать на предмет выявления прямых улик и других фигурантов...

– С вашим бывшим начальником отделения мы ещё разберёмся! И с вами тоже. Я уже устал перед Москвой изворачиваться! – заревел бизоном Хорхорин. – Почти весь лимит, включая дополнительно запрошенный, вычерпали, почти одиннадцать тысяч по первой и второй категориям арестовано, а на тройку переданы дела всего на четыреста человек! Но и из них осуждено бывшего кулачья только сто девяносто семь рыл! Остальные – уголовный сброд и так называемый прочий контрреволюционный элемент. И совершенно недопустимый бардак развели в учётах – пять с половиной тысяч осуждённых проходят безо всякой разбивки – то ли кулаки, то ли уголовники, то ли вообще бродяги с улицы. Это что, работа? У иркутян вон лимит лишь на полтыщи поболее, а число репрессированного кулачья за три тысячи перевалило! И без разбивки, заметь, ни одного человечка – все по полочкам: кулацкие морды – отдельно, уголовщина – отдельно, прочая контра – отдельно![12]

Хорхорин перевёл дух, провёл согнутым указательным пальцем между шеей и воротником шевियोтовой гимнастёрки, украшенной новеньким, сверкающим золотом орденом Ленина. «Как же... – мелькнуло в голове у Павлюченко. – Москва тебя заела... Высший орден ко Дню чекиста преподнесла...»

– Я и с Врачёва ещё спрошу, и с Белоногова с Новиковым! А заодно и совет им дам: хорошенько дрючить вас всех! Бездельники и саботажники! Пригрел тут вас Петросьян! Разогнать бы по-хорошему к чертям собачьим весь ваш четвёртый отдел!.. Ничего, с каждым разберёмся!..

«Хана!» – одно только это слово вертелось в голове Павлюченко, когда он, взмыленный, выскочил из кабинета начальника управления.

Глава четвёртая. Кусмарцев, февраль 1938 года

Для успешной борьбы с агентами фашистских разведок необходимо воспитать в каждом трудящемся умение строжайшим образом охранять государственную тайну. Распущенность, идиотская болезнь – беспечность в деле сохранения государственной тайны у нас очень велики. В поезде и в трамвае, в парке, в кафе, в театре, в столовой зачастую ведутся разговоры о плане предприятия, о новых моделях и конструкциях, о наших вооружениях, оглашаются секретные цифры. Болтун выбалтывает государственную тайну и в беседе по телефону, и дома, в семейном кругу, либо при встрече с друзьями, а то и с малознакомыми или вовсе незнакомыми людьми... Не сообщать органам государственной безопасности о замеченных преступлениях, о подозрительном человеке – значит совершать преступление против Советского государства, против советского народа...

Н. Рубин и Я. Серебров. Из статьи «О подрывной деятельности фашистских разведок в СССР и задачах борьбы с нею» (газета «Правда» от 29–30 июля 1937 года)

– Нет, на вокзале тебе делать нечего. Долгие проводы – лишние слёзы. – Григорий подхватил свой маленький потёртый чемоданчик и шагнул на выход. Не хватало ещё этих телячьих нежностей посреди народа на перроне: слёзы-платочки, поцелуи-вздохи, запоздалые упрёки, бесполезные советы-напутствия. Получилось на три денька скататься в Иркутск, повидать жену, дочек – и то славно. На все расспросы супруги отвечал одно: «Скоро, скоро... И квартиру двухкомнатную обещают через месячишко-другой, и паёк с нового года повесомее станет... В общем, скоро. Готовьтесь к переезду...»

На подножку вагона, разгорячённый и раскрасневшийся от изрядного «посошка на дорожку», спешно принятому в вокзальном ресторане, вскочил привычно, по-военному лихо. Отшутился с насупленным проводником, молодецкато заполнил дверной проём купе:

– Боевой привет бравым сталинским соколам! – Попутчиками оказались два молодых младших политрука, с крылышками и кубарями в голубых петлицах. Ответили на приветствие серьёзно и с достоинством.

Один из авиаторов освободил для Григория нижнее место, пересев к товарищу. За вагонным стеклом всё быстрее и быстрее замелькали станционные сооружения Иркутска.

– Далеко путь держим? – Улыбка не сходила у Григория с лица.

– До Читы мы, – отозвался один из попутчиков.

– К месту службы или в командировку? – Политруки разом кивнули, соглашаясь с последним.

– Часом, не из Иркутской авиашколы? – Григорий покровительственно рассмеялся, увидев, как молодёжь переглянулась. – Правильно, хлопцы, бдительность – прежде всего! Всё в норме, авиация! Я этой бдительностью и заведу. Давайте знакомиться. Начальник отдела государственной безопасности (*повысил себя для солидности!*) Читинского управления НКВД лейтенант госбезопасности Кусмарцев Григорий Павлович. А можно и попросту – Гриша, какие наши годы!

– Ясинский Николай.

– Буслаев Александр.

– Ух ты! Богатая фамилия! – хлопнул политрука по коленке Григорий. – Про Василия Буслаева слышал? Знаменитый былинный богатырь из Господина Великого Новгорода. Не слышал? Прискорбно, м-да... А по сколь стукнуло, орлы?

– С четырнадцатого года мы оба...

– Ага, папашки перед империалистической войной сделали! Тогда червонец у нас разницы. Но – ерунда! До полтинника – всё молодость. Так я не ошибся, из авиашколы?

Политруки согласно закивали головами, заулыбались догадливости Кусмарцева. Видя перемену в настроении молодых авиаторов от настороженности к общению, доверительно наклонился к попутчикам:

– Я два года в Иркутске проработал, в Особом отделе, а с октября вот на повышение в Читу переведён. – С видом знатока пояснил: – В связи с разделением Восточно-Сибирского края на Иркутскую и Читинскую область. Огромные пласты работы!

Многозначительно раскинул руки, наглядно демонстрируя эти пласты, и устало добавил:

– Обстановка архисложная, а кадры... Эх, да что говорить... вы же политработники, сами в курсе – незрелости политической хоть пруд пруди!

– Вы – в смысле населения? – осторожно полюбопытствовал один из политруков.

– Когда бы только среди простого народа... – по-прежнему устало-горьким тоном откликнулся Григорий. – Небось июньский приказ наркома обороны с обращением к армии изучили? Который по поводу раскрытия органами НКВД предательской контрреволюционной военно-фашистской организации в РККА? – с расстановкой перечислил все зловещие эпитеты. – Вот то-то и оно! – Григорий многозначительно прикрыл глаза и перешёл на громкий шёпот: – В железных чекистских рядах тоже ржавчины хватает! Что глаза вылупили? Есть субчики! Напролезали и окопались в органах в своё время! Или, думаете, враг народа Ягода не имел своей паучьей сети? Ещё какую! Понятное дело, ббольшую прорву этих сук мы выявили, но некоторые затаились...

От зловещих нот в шёпote Кусмарцева попутчики невольно поёжились.

– Ничего... И до них доберёмся... Чека не дремлет! Вот в той же Чите... Ещё по лету такое гнездо вскрыли – о-го-го! Сам начальник оперсектора... вот так, хлопцы... – на ещё более многозначительной и мрачной ноте закончил свой монолог Григорий, ворочая в пересохшем рту непослушным языком. Сильно захотелось пить.

Бросил взгляд на столик в поисках стакана и внезапно хлопнул своих попутчиков обеими руками по туго обтянутым синей диагональю коленям:

– А чего это авиация попритихла? В Читу-то надолго?

– Двадцать седьмого обратно...

– Повезло вам, братцы, – Новый год дома встретите. А я... – Сокрушённо махнул рукой. – К жене на побывку приезжал, за три месяца первый раз... Целых три дня дали! – Последнее вырвалось с сарказмом, но Григорий тут же посерьёзnel и добавил: – А как иначе? Работы – вал! И когда бы шпионы – пособников хоть пруд пруди, особенно среди бывшего кулачья и прочей контры. Наш нарком товарищ Ежов в связи с этим отдельный приказ издал. Но! Это – секрет и вам знать не положено.

И тут же опять повеселел:

– А не рвануть нам, авиация, до вагона-ресторана? Поужинаем, да и за знакомство не мешало бы по маленькой. Как?

Парни вроде бы оживились.

– Давай, давай, авиация! – Кусмарцев поднялся, рывком одёргивая гимнастерку под ремнём с портупеей. – Бойцу наипервейшая дислокация – рядом с кухней!

За подрагивающим от хода поезда столиком знакомство состоялось окончательно. Выпили за «стальные руки-крылья», за «сердце – пламенный мотор», за «недремлющие органы» и Родину, за боевых подруг и матерей. Понятно, что тост за мудрого вождя товарища Сталина предварил остальные.

– И всё-таки должен вам доложить, дорогие вы мои Коляха и Шурка, что нынешняя политическая незрелость – это, други мои, опаснейшая из опасностей в нынешней обстановке. –

Нетвёрдой рукою Григорий подцепил с тарелки шпротину и отправил в рот. Задумчиво пожевал, ткнул в губы скомканной накрахмаленной салфеткой, неловко потянул из коробки на краю столика «казбечину». Привычно прикурил от протянутой спички.

– Тут ты, Гриша, совершенно прав, как политработник тебе ответу, – поддакнул заплетаящимся языком, задув спичку, «Коляха». «Шурка» молча работал челюстями, в разговор пока особо не вступал.

– В органах это страшно вдвойне! – назидательно поднял вверх папиросу Кусмарцев. – Но мало кто это осознаёт. Привыкли, понимаешь, за два десятка лет повторять: «Чекист – это холодная голова, горячее сердце, чистые руки...» Так, кажется, у Дзержинского... Вот... А голова не должна быть холодным чугуном. Она должна варить! Варить, Коляха! И чётко чуют, откуда каким ветром или запахом наносит... Враг не дремлет. Шпионов развелось!..

– С-согласен, – мотнул головой уже совершенно окосевший Ясинский. – С-совершенно в точку! Это ж кто думал, что даже у нас в РККА такой заговор... Тухачевский, Якир...

– Тсс! – Кусмарцев так шикнул на собеседника, что и с аппетитом жующий Буслаев чуть не подавился. – Без фамилий!.. Дай-ка ещё огня – тухнет, негодная, табак сырой, твою мать... Тоже, видать, хватает вредителей в табачной отрасли...

Смачно затянулся затрепавшей от новой порции пламени папиросой, вытолкнул мгновение спустя из лёгких сизый клуб дыма, заслоившийся над головами.

– Нет, Коляха, факт в другом. Чётко могу доложить – у нас в органах политработа поставлена куда как хуже, нежели у вас в армии. В результате чего, Коляха, – обрати внимание! – многие наши работники слабо владеют ма... маркси... ик!.. истко-ленинско-сталинской теорией, – еле выговорил, борясь с приступом внезапной икоты, именную конструкцию. – А следовательно, что?

– Что? – эхом, друг за другом, откликнулись уже тоже порядком окосевшие политруки.

– В результате, – веско процедил Григорий, – некоторые наши работники в политическом отношении не растут, занимаются делячеством, манкируют обязанностями, но карьеры делать – мастера-а!..

– Да... У вас результаты – налицо, – оторвался от тарелки Буслаев. – Рост по службе обеспечен. Врага разоблачили – повышение, награда, а у нас...

Он безнадежно мотнул головой.

– Мы, низовое звено комполитсостава, пашем, а поощрения собирают командиры повыше...

– Гриш... Тут у нас слух прошёл, что к двадцатой годовщине РККА медаль учредят, большое награждение будет... Не в курсе? – поинтересовался шёпотом, растягивая непослушные губы в виноватой улыбке, Ясинский.

Кусмарцев пожал плечами.

Политрук продолжил:

– А по вашей линии вроде двадцатилетие отметили? Были награды?

– У нас с этим как и у вас... Вот я с четырнадцати лет в Чека, учился в школе ВЦИК, нёс охрану правительства и самого товарища Ленина...

– Да ну?!

– Баранки гну! Так вот... Что скажу... Представляли, слышал, к знаку почётного чекиста... да так всё и заглохло. Говорят, где-то на верхах зарезали... Впрочем... Обыкновенная побрякушка – самолюбие потешить... Не орден союзный...

В своё купе компания вернулась глубоко за полночь. Но сразу спать не улеглись. Четвёртого попутчика так и не добавилось, поэтому новых друзей никто не стеснял. За бутылкой прихваченного из ресторанного буфета марочного муската проговорили ещё часа полтора. Пока самый любознательный из политруков не ткнулся носом в столик. На этом выяснение сравнительных характеристик службы в органах и армии завершилось. Отключившегося «Коляху»

Григорий с «Шуркой» уложили на нижнюю полку, напротив расположился, стянув начищенные до умопомрачительного блеска хромачи, Кусмарцев, а Буслаев кое-как забрался на верхнюю полку.

Проваливаясь в чёрную яму пьяного сна, Григорий ещё успел лениво подумать, что молодой авиаполитрук «Шурка» в его нынешнем состоянии вполне может, сонный, спланировать на пол и набить себе шишек... «Авиакатастрофа в железнодорожном вагоне... Ор-ри-ги-нально...»

После бурной ночи Григорий спал долго и беспробудно, но всё-таки проснулся раньше, чем его попутчики.

Тяжело поднялся, вышел в тамбур, достал папиросы. Несколько затяжек заметно просветлили гудящую голову. По привычке перебрал вчерашние события – что помнил. Но и этого хватило сообразить: язык вчера был явно неуправляемым – бабье помело, язви ты!.. И перед кем мёл – перед двумя сопляками! А с другой стороны, какие они сопляки – политруки. Мда... Что же он им наплёл вчера?.. А впрочем... Сам не помнит, куда уж этим желторотым!

Но когда вернулся в купе – тревога у сердца заскребла куда настойчивее: «желторотики» уже не спали и, видимо, успели меж собою перетолковать о вчерашнем: встретили настороженно. Даже вчера, при первом его появлении, такого не было. Тут же оба как-то поспешно засобирались.

– Чего закопошились, авиация? – в прежнем бодреньком тоне начал Кусмарцев. – До Читы ещё не один час.

– Да нам... это...

– Тут через пару вагонов приятели объявились... звали...

«Авиация» стыдливо тупила глазки.

– Ну-ну... – Григорий отнёс поведение юных политруков на счёт их ночного «положения риз» и снисходительно хмыкнул.

В общем, в Читу приехал в купейном одиночестве и самом пасмурном настроении. Хотел было зайти в ресторан на вокзале, пропустить пару рюмок, но увидел знакомого на перроне, а «зацепиться языками» не имел ни малейшего желания. Свернул в сторону и подался от вокзала вверх. Хотя через квартал таки не утерпел, повернул на Калининскую и быстрыми шагами устремился к давно облюбованной рюмочной, где и принял стакан беленькой под бутерброд с килькой. Сразу и мороз отступил, и ноги согрелись в форсистых хромачах, совершенно не рассчитанных на забайкальские температуры в декабре. Подумав, Григорий хватил ещё стаканок, который, как ластиком, стёр все вагонные перипетии. Подмигнув напоследок знакомой буфетчице, разливающей пиво по кружкам и беленькую по стопкам, вышел наконец на улицу, попыхивая папиросой.

Уже совершенно стемнело, когда добрался до квартиры. Вернее, комнаты, которую снимал у пожилой четы в добротной бревенчатой пятистенке на Новых местах.

Света не зажигал. Как прошёл через сени и кухню, ничего не ответив хозяйке на её предложение выпить чайку, так и уселся на койку, лишь шинель сбросил на стул да стянул сапоги. Упёршись пятками в стылую портяночку бязь, курил папиросу за папиросой. На придавившем к ночи морозе хмель выветрился, вернув взамен тягостные размышления о вагонных разговорах. Хозяева за тонкой перегородкой уже легли, часы прокуковали полночь, а потом и ещё раз кукукнули, – сон к Григорию не шёл. Но потом, отогрев ноги и окончательно разомлев от тепла, стянул гимнастёрку, бриджи и ткнулся затылком в подушку.

Проснулся от звяканья ведёр и тёплого запаха парёнки – хозяйка для поросят готовила корм. Встал с заскрипевшей койки, резкими движениями размял основательно затёкшее тело. Сбросив гимнастёрку, вышел в сени. Там окончательно пришёл в себя, щедро плеснув в лицо и на грудь ледяной воды. Решение уже созрело: «Кто первым доложил – тот и прав!»

Повеселев, вернулся в дом. Перешучиваясь с хозяйкой, побрился, с аппетитом сжевал две увесистые ватрушки с черёмухой, выпил густого чаю с молоком. По утренней темноте скорым шагом отправился в управление.

В кабинете, уже усевшись за стол и положив перед собой чистые листы бумаги, глянул на часы: до планёрного совещания у начальника отдела оставалось поболее часа.

Аккуратно вывел в правом верхнем углу листа: «Секретарю парткома ВКП(б) УНКВД по ЧО тов. Зиновьеву П. В.». С заявлением управился аккуратно к совещанию. Сцепил исписанные листки скрепкой, сунул в папку, с которой ходил на совещания, и выскочил в коридор. Надо же – лоб в лоб со старшим лейтенантом Зиновьевым!

– Пал Василич! Здравия желаю! Как раз вот хотел к вам в партком с заявлением по личному делу. Я могу вам передать, – засуетился, раскрывая папку, – а после планёрного совещания зайду.

– Это уже не ко мне, – отводя руку Кусмарцева с листками, грустно улыбнулся Зиновьев. – Теперь у нас новый секретарь – Новиков, прямой твой начальник...

– Эва как... – протянул Григорий. – И недели не отсутствовал, а уж такие перемены...

– То ли ещё будет...

– Так, а вы куда?

– По месту службы – в свой особый. Так что теперь к Новикову... – кивнул Зиновьев и повернулся к лестнице на первый этаж, застёгивая тугие пуговицы шинели.

Лейтенант госбезопасности Новиков прибыл в Читу из Иваново в октябре 1937 года. Хорхорин «выписал» в свою команду, он же и предложил избрать Новикова освобождённым секретарём парткома, но сохранил за ним и должность заместителя начальника 4-го отдела – на отдел навалилась основная нагрузка по исполнению оперприказов по кулакам, «харбинцам», «иностранцам», а в чекистском парткоме какой вал работы – бумажки для проформы.

Прежнего секретаря парткома, старшего лейтенанта госбезопасности П. В. Зиновьева-Зейского вернули в Особый отдел НКВД по Забайкальскому военному округу. Не вписался Павел Васильевич в хорхоринское окружение, хотя и одним с Хорхориным постановлением ЦИК СССР «за образцовое и самоотверженное выполнение важнейших правительственных заданий» был 19 декабря 1937 года награждён орденом «Знак Почёта» (Хорхорин получил орден Ленина). Больно смелый – открыто осуждал методы физического воздействия на арестованных, позже, в июне 1938 года, даже обратился с письмом об этом к замнаркому внутренних дел! (Хорхорин запросит разрешения руководства НКВД на арест Зиновьева, а не получив такового, даст команду сфабриковать на него «компру». Это сработает – в октябре 1939 года Зиновьева уволят с формулировкой «за невозможностью дальнейшего использования на работе в ГУГБ».)

Врачёва не было, вёл планёрное совещание Новиков, безразлично кивнувший, когда Григорий доложил по форме о возвращении из краткосрочного отпуска. Заседали недолго, тема одна: ускорить передачу дел арестованных на тройку. Но Григорий успел переписать первый лист заявления в партком. Когда сотрудники отдела разошлись по своим рабочим местам, Григорий задержался в кабинете Новикова.

– Иван Михайлович, я тут к вам по партийному вопросу...

– Слушаю, Кусмарцев, – с вежливой улыбочкой источая внимание, отозвался секретарь парткома. Улыбочка эта особенно становилась заметной из-за чуть кривоватого разреза губ и резко контрастирующего с нею взгляда – глаза Новикова жили отдельной жизнью, всегда ровно мерцая каким-то безжизненным тёмно-зелёным светом, который ничего не выражал и не отражал, – взгляд словно проходил сквозь человека, не задерживаясь.

– Вот, я тут с заявлением...

Новиков внимательно и долго читал написанное, чуть заметно шевеля губами и покашливая. Дочитав, поднялся из-за стола, неторопливо подошёл к окну, долго смотрел в широкую щель между гардинами. Потом, не поворачивая головы, сказал с жёсткой расстановкой:

– Перед партией, Кусмарцев, скрывать ничего нельзя. Всю душу надо раздеть. До последней клеточки. А коммунисту-чекисту – вдвойне. – Резко повернулся к Григорию и ледяным тоном закончил: – Политруки, говоришь, подозрительные и политически незрелые попались? А знаешь ли ты, что они ещё вчера, с поезда прямиком, прибыли в Особый отдел ЗабВО: так, мол, и так – ответственный работник УНКВД всю ночь пьянствует в поезде и открыто ведёт контрреволюционные разговоры!

Новиков шагнул к Григорию вплотную, носом втянул воздух.

– От тебя же до сих пор разит, чекист-коммунист Кусмарцев!

– Да я...

– Головка ты от... – грубо выругался сквозь стиснутые зубы секретарь парткома. – Что?! Вылезла гниль? Разберёмся! Иди... пока...

Уже у дверей догнало брошенное в спину:

– Отвечать, Кусмарцев, в любом случае придётся. Стой! Кру-гом!

Снова подошёл вплотную и прошипел:

– И не вздумай догонять своих вагонных собутыльников... Оба обратно в Иркутск отправлены. С ними там займутся. А с тобой – здесь... Иди и думай, как до жизни такой докатился...

– Товарищ секретарь парткома! Да кому поверили?! Врут эти молокососы! Я всю жизнь – за советскую власть! Банды громил, сам контру в расход пускал! Какие контрреволюционные разговоры?! Наоборот, я им о бдительности...

– Идите, Кусмарцев!

– Нет, ну почему каким-то армейским соплякам вера?! Это же они про германских псов-наймитов Тухачевского с Якиром, а я им...

– Я сказал – идите! – Куда и вежливая улыбочка подевалась у главного управленческого партийца.

Григорий резко развернулся на каблуках и толкнул тяжёлые двери, задыхаясь от злости. «Бл...! Не зря ещё в поезде кошки на душе закрепились... Не подвело чекистское чутьё!»

Минула неделя. И Кусмарцев успокоился. К высокому начальству не вызывали, Новиков тоже не дёргал. И чего страхов себе нагородил? Всё правильно – кто он и кто эти пацаны-летуны. Интересно, а чего им отломилось? Да уж по головке не погладят стукачню сопленосую...

Хотя... Какая-то неопределённость всё-таки присутствовала. Собрался в плановую командировку в Красночикийский район по продолжающемуся расследованию дела о вредительстве на молибденовом руднике «Чикойредмет»[13], но Врачёв поездку отменил. И руководство оперативными мероприятиями по лесочасти в Читинском районе перепоручил Павлюченко, а с Григория затребовал обзор-справку о работе отделения за полугодие, с момента образования управления. Пришлось несколько дней, чертыхаясь, рыться в толстых картонных папках. В новогоднюю ночь назначили оперативным дежурным по управлению. Правда, ночь прошла спокойно, все происшествия – по милицейской линии.

Утром, когда сменился с дежурства и отправился отдыхать, внизу, в вестибюле, встретил Новикова. Тот с отсутствующим выражением лица хотел пройти мимо, но Григорий решительно преградил дорогу:

– Товарищ секретарь партийного комитета! Почему вы не даёте хода моему заявлению? Требую разобрать его на партийном собрании!

Новиков, всё так же глядя в сторону, сквозь зубы процедил:

– А ещё чего требуешь?

– А ещё – очной ставки с теми резвыми летунами. Пропьянствовали всю дорогу и полностью исказили наш разговор! Допросить их официально! И – очную ставку. Я готов!

– Готов, говоришь?.. Созрел, значит... – Едва заметная усмешка искривила губы Новикова. На Григория он так и не смотрел. – А что ты так, Кусмарцев, переживаешь и суетишься? Разберёмся...

– Да я уже по вашему отношению сейчас вижу, какое это будет разбирательство...

– Глазастый больно... И языкастый... – Новиков повернул голову, и Григория на мгновение коснулись жалящие буравчики маленьких, глубоко посаженных глаз. Лишь на мгновение, потом взгляд партийного начальника привычно потёк сквозь собеседника. Но и этого мгновения Кусмарцеву хватило: волна неприятного озноба прокатилась по спине. Но сдержаться не получилось:

– Я с вами как коммунист с коммунистом...

– Ишь ты! – хмыкнул Новиков и повёл пальцем, напирая на Григория. – Освободи дорогу! Совсем уже распоясался! Субординацию нарушать?!

Григорий увидел круглые глаза дежурившего в вестибюле сотрудника комендантского отделения, понял, что окончательно нарвался на скандал, и отступил с поворотом в сторону, прикладывая правую руку к головному убору.

– Виноват!

Новиков, засопев, быстро подался по ступеням вверх.

Неопределённость продолжалась. И всё больше и больше наслаивалась в душе чувство тревоги и страх, непонятный и от этого ещё более тёмный и зловещий. От него не спасали ни традиционная запарка первой январской декады, когда все в управлении «подбивали бабки» и готовили отчёты в Москву, ни стакан водки на «сон грядущий».

Вязкий сон приходил, но потом, среди ночи, Григорий просыпался в каком-то полубреду. Словно что-то толкало: проспал! – а нужно куда-то идти, непонятно куда и зачем; делать какое-то незавершённое дело, непонятно какое и для чего... Такое состояние полусна-полуяви могло тянуться час-полтора, а то и больше. Изматывало почище бессонницы.

Григорий тоже возился с отчётом, но недолго: в понедельник на совещании начальник отдела, ничего не поясняя, перепоручил подготовку секретных данных другому сотруднику, а Кусмарцева включил в бригаду по контрольной проверке Читинской тюрьмы: начальник тюрьмы Кितिцын вновь и вновь докладывал в управление об отчаянном финансовом положении, ужасающем санитарном состоянии и перелимите наполнения. Но Хорхорина заботило другое.

– Присмотритесь-ка к самому Кितिцыну, – дал установку Врачёву Хорхорин. – Вижу прямое вредительство: устроил, понимаешь, карантин! Ну, произошла в тюрьме вспышка сыпняка. Сколько там заболело?

Врачёв ткнулся в бумаги:

– Сорок пять заболевших тифом, из них пятеро умерли.

– А в тюрьме две с половиной тысячи арестованных! Какой карантин? Загнать в отдельные боксы и лекарей к ним. У нас там более полутора тысяч подследственных! И что, из-за кучки дохляков дела в производстве останавливать? Вот что это, как не вредительство? Да и вообще... Разобраться надо с этим Кितिцыным[14]. По моим сведениям, жил с Петросьяном душа в душу. Стало быть, такой же гнилой, как бывший начоперсектора...

Почти полторы недели Григорий шуршал бумагами в спецчасти и канцелярии тюрьмы, опрашивал тюремный оперсостав, изыскивая «компру» на начальника тюрьмы. Это отвлекло от тягостных мыслей, как и другое заделье: в общежитии освободилась комната, а Григорий по заявке – первый. В общем, попрощался с хозяевами на Новых местах, переехал в общежитие. Повеселел малость, болячка страха вроде бы нить перестала.

...Утро началось обычной канцелярской рутиной. Накануне наконец-то завершилось нудное времяпровождение в тюрьме, завершилось пустопорожне, и Григорий как раз вымучивал по этому поводу справку – так, чтобы поумнее вышло. В разгар этих бумажных страданий в кабинет вошли Новиков и лейтенант госбезопасности Чепенко, состоящий в должности инспектора при начальнике управления.

Чепенко с порога упёрся настороженным взглядом в лицо Григория, демонстративно положив руку на рукоятку ТТ, торчавшую из расстёгнутой кобуры. А Новиков, как-то боком подойдя к Григорию, хрипло скомандовал:

– Руки вверх, Кусмарцев! Арестован! Сам знаешь, за что.

– Да вы чё?! – оторопел Григорий. – Какие «руки вверх»?! Народ-то не смешите! Прямо шпиона отловили...

– Молчать! – рявкнул Новиков и цепко ухватился за кобуру на поясе Григория, рванул ремешок, неловко вытянул пистолет и быстро завёл руку с оружием за спину. Тут же отступил на шаг и кивнул в сторону дверей:

– Вперёд! На выход! И без дерганий, а то... – Он многозначительно продемонстрировал Кусмарцеву его же пистолет, направив ствол в живот.

– Да вы чё, белены объелись? – Григорий смачно выругался, на что Чепенко таки вытащил свой ТТ и навёл на Григория:

– Двигай вперёд по-хорошему! Руки за спину!

Матерясь сквозь зубы, Григорий шагнул к дверям, за которыми оказался ещё один сотрудник с обнажённым оружием – сержант Попов, помощник особоуполномоченного Перского. Сердце забилося гулками толчками – начальник второго, контрразведывательного отдела и особоуполномоченный младший лейтенант госбезопасности Перский занимался исключительно делами арестованных сотрудников. И ни для кого ещё общение с Перским не закончилось благополучным исходом – из кабинета особоуполномоченного выволакивали только измороженных в кровь «немецких и японских шпионов».

Смерив Григория ненавидящим взглядом, Попов буркнул:

– За мной, бя...

Новиков и Чепенко шумно дышали в затылок.

Попетляв по коридорам, спустились по лестнице в подвал. Рослый надзиратель отпёр замок в решетчатой двери, потом ещё в одной. Несколько раз Григорий открывал рот, пытаясь хоть что-то выпросить о нарастающей абсурдной ситуации у Чепенко, но тот молчал. Не выдержал замыкающий процессию Новиков:

– Ещё раз, гад, пасть разинешь – замочу при попытке!

– Ты смотри – уже «гад»! Быстро!

– Заткнись, сказал! – нервно гаркнул Новиков.

Надзиратель наконец остановился у собранной из толстых деревянных плах двери одной из камер, приоткрыл обитое жестью окошко-амбразуру:

– Отойти! Встать! Построиться!

Загремел ключами, отпирая врезной замок, с лязгом отодвинул металлический засов, потащил на себя тяжело заскрипевшую дверь.

В заливающим камеру свете лампочки-«двухсотки» Кусмарцев увидел около десятка или чуть больше застывших фигур. Большинство арестантов были в штатском, один только, кажется, в гимнастёрке, но без знаков различия, однако Григорий смог рассмотреть, что гимнастёрка не комсостава.

– Но меня не положено в такую, к таким... – Кусмарцев обернулся к своим конвоирам.

– Закрой пасть, засранец! – гаркнул Новиков, а Чепенко дёрнул сзади за портупею. – Сымай ремни, живо!

Негнушимися пальцами Григорий расстегнул ремень, высвободил язычок на хрустнувшей добротной кожей португее.

– Что же вы творите...

– Заткнись, гнида фашистская! – заорал Новиков, потрясая зажатым по-прежнему в руке пистолетом Кусмарцева.

– Что ты сказал?! – выдохнул Григорий, разворачиваясь к Новикову. Тот резво отступил пару шагов назад, щёлкнул предохранителем пистолета.

– Хэк! – Появившийся сбоку Попов, утробно хрюкнув, мощно ударил Григория по печени.

Кусмарцев охнул, сгибаясь почти пополам.

– Суки... Хоть костюм штатский дайте, – прохрипел он. – Пусть в общежитии возьмут...

– Щас, побежали уже! – хохотнул Чепенко. – В камеру!

Этот нервный смешок почему-то мгновенно взорвал Григория:

– Чего же ты, падла, позволяешь фашисту форму лейтенанта госбезопасности компроментировать?! – Григорий попытался выпрямиться. – Звание работника органов дискредити... – Закончить не успел. Чепенко с силой ткнул его коленом в живот, и Григорий, не устояв на ногах, спиной влетел в камеру, с размаху ударившись позвоночником о бетонный пол. Тут же Кусмарцева, ничего не соображающего от боли, несколько рук вздёрнули на ноги, но дверь уже захлопнулась, лязгнули засов и замок...

Первые два дня прошли как в тумане. Несколько раз Григорий пытался колотить в дверь, другие обитатели камеры оттаскивали его, совали кружку с тёплой, крепко пахнущей хлоркой водой, уговаривали шум не поднимать – бесполезно это. Периодически совали и пайку – миску каши и кусок хлеба, какую-то ржавую солёную рыбу. Но есть Кусмарцев не мог. Хотелось курить. Папиросы остались на столе в кабинете. Да и вообще, когда это было – кабинет, папиросы?.. И было ли...

Делились табачком в камере или нет – этот вопрос даже не приходил Григорию в голову. И не потому, что унижаться до попрошайничества он не мог и не хотел. Он подсознательно отделял себя от других обитателей камеры. Что они находились здесь – это было само собой разумеющимся, а вот он...

Невероятность происходящего вносила полную сумятицу в сознание. Никак не получалось собраться с мыслями, спокойно обдумать и проанализировать своё нынешнее положение. В голове крутились какие-то бессвязные обрывки, какой-то несущественный мысленный мусор. Попытки сосредоточиться неизменно заканчивались одним и тем же – навязчиво сверлящим мозг, когда-то где-то вычитанным или услышанным чьим-то утверждением: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда...» Кто сказал или написал это, Григорий вспомнить не мог, как ни старался. И это становилось уже второй половиной идефикса.

А потом это состояние стало постепенно проходить, тускнеть. И Кусмарцев начал приглядываться к соседям по камере.

Лица незнакомые. Неожиданно поймал себя на мысли, что рад факту своей непродолжительной работы в Чите. Это даже успокаивало – и представить себе не мог возможную встречу, в нынешних камерных условиях, хотя бы с одним из тех, кого он сам «оформлял» как врага народа. А может, он кого-то не разглядел? Об этом ему уже в который раз снился сон, бессвязный и страшный. Где-то в глубине сознания Кусмарцев понимал, что жуть сновидений банально объясняется духотой и скученностью в камере. Но когда среди ночи выныриваешь, задыхаясь, из подобного сновидения-кошмара, сдавленный со всех сторон потными телами, то душу окатывает ни с чем не сравнимый ужас. Кажется, что на тебя навалились скопом все твои враги, чтобы расправиться, удавить сонного, беспомощного и измученного неизвестностью произвола.

Утром ночные страхи отступали, но их сменяли дневные: «За что, почему я здесь?» И снова: «Этого не может быть...» Григорий замечал, что каждый из арестованных большую часть времени, как и он, полностью погружён в себя.

А потом обнаружил, что проходит день за днём, но из камеры никого не вызывают – ни на допросы, ни для других следственных действий. Лишь трижды в день в одно и то же время (это он установил по часам, которые при аресте так и остались в кармашке-пистончике бриджей) распаивается «амбразура», в которой появляются миски с баландой или кашей, осьмушки чёрного хлеба. Потом из коридора просовывают носик здорового чайника – все набирают коричневатую, чуть тёплую жидкость, называемую чаем. У кого кружка – в кружку, остальные – в опорожнённые миски.

Теперь свою пайку Кусмарцев, как и другие обитатели камеры, съедает без остатка. И хорошо, что «чай» лишь тёплый, иначе не успеть выпить – миски требуют назад. В десять вечера мигает «двухсотка»: отбой. В шесть утра по коридору проходит надзиратель и громы-хает в двери: «Подъём, вражины...»

Повседневное действо в камере происходит молча. Без стычек и свар. В Читинской тюрьме, в качестве проверяющего, Кусмарцев наглядился: уголовная публика ведёт себя шумно, вызывающе. А здесь, во внутренней тюрьме УНКВД, «субчиков-чубчиков» – раз-два и обчёлся. И то – с «политическим душком». Контра, одним словом – вот такой контингент.

Григорий вновь бессильно заскрипел зубами от нахлынувшей волной ярости. Это он-то контра?! Разберутся они, видите ли! Сволочи... Все эти новиковы, чепенко, поповы и прочие ещё пожалеют! Из-за каких-то молокососов... Но политруки-то... Бойкие, шустрые хлопцы! Muskat на дармовщинку жрать горазды, а настучать не преминули. Ничего... разберёмся и с ними. Всему свой срок...

Кстати, о сроке, подумалось вдруг Кусмарцеву. Пребывание в камере без вызова к следователю больше похоже на дисциплинарный арест. Ну конечно же! И как он сразу не допетрил! Попугать решили, вот и сунули в камеру. Напрасно, напрасно в панику кинулся. Так и надо, чтоб знал, где и с кем пить. А что, оригинально, по-чекистски! Хм... Григорий попытался ухватиться за эту соломинку-мысль, но тут же с горечью посмеялся над собой: в его нынешнем положении заниматься наивным самообманом не стоит. Никакой это не дисциплинарный арест. Али сам не знает, что процессуальные нормы в родной «конторе» давным-давно никто не соблюдает, в лучшем случае – для видимости, ради проформы. Не сам ли под стеклом на столе держит... в смысле, держал... выписку из речи Лазаря Моисеевича Кагановича, наркома тяжпрома, который ещё в 1929 году заявил: «Мы отвергаем понятие правового государства... Если человек, претендующий на звание марксиста, говорит всерьёз о правовом государстве и тем более применяет понятие “правового государства” к Советскому государству, то это значит, что он идёт на поводу у буржуазных юристов, это значит, что он отходит от марксистско-ленинского учения о государстве».

Но «соломинка» выглядела так заманчиво...

– Какое сегодня число? – спросил Григорий у соседа по шконке, решив себя перепроверить. Пожалуй, у единственного из набитых в камеру арестантов, кто тут имел подобие интеллигентного вида.

– Четвёртое, – с готовностью, и нисколько не удивившись вопросу, откликнулся тот и тут же уточнил: – Четвёртое февраля...

– Ты мне ещё год назови, – буркнул в ответ. Быстро подсчитал в уме: если его арест – дисциплинарная мера, то по максимуму взыскания его должны выпустить из-под замка шестого февраля утром. «Ага, давай мечтай дальше, дурак!» – зло подумал и глянул на соседа, кривя губы в улыбке:

– Извини, мужик. Нервы... Тебя как кличут-то?

– Павел Павлович... Фладунг.

– Чего?

– Это моя фамилия. Фладунг Павел Павлович.

– Да... – хмыкнул Кусмарцев. – С такой фамилией... Был бы хотя бы Фладунговым или Фладунским. Лучше, конечно, первым. Немец, да?

– Я что-то не понимаю, – забеспокоился сосед.

– И не поймёшь! – отрезал Григорий. Указания наркома в отношении граждан немецкой национальности ему были известны. Оперприказ Ежова «по иностранцам» знал назубок. Бредень репрессий по этому приказу тоже сгребал немало «контры»[15].

– Господи, да разве в фамилии дело! Следователь утверждает, что на меня есть показания... как на... германского шпиона! Боже мой, откуда?!

– Кем был до ареста?

– Я музыкант. В оркестре областного драматического театра служу.

– Чего же не музицировалось? – безразлично поинтересовался Кусмарцев.

Фладунг сокрушённо пожал плечами и почему-то очень внимательно посмотрел на свои нервно подрагивающие пальцы. Ответил не сразу:

– Видите ли... Извините, не знаю, как вас...

– Григорий.

– Видите ли, уважаемый Григорий... По национальности я, да, немец. Из поволжских. Мой отец до пенсии тридцать лет проработал на железнодорожной станции в Сталинграде, а меня вот судьбе угодно было занести в Читу. Нет, я не жалею. Мне здесь прекрасно. В Чите, конечно, не... – Собеседник осёкся, обвёл грустным взглядом камеру. Пауза затягивалась, и Григорий уже подумал, что продолжения не будет, но Фладунг, встрепенувшись, продолжил:

– Моя жена... Собственно, потому и Чита. Встретились здесь. Ну и как у всех – семья, дети... И тут вдруг такое... – Фладунг сокрушённо мотнул головой. – Вы понимаете, Григорий... мы всегда жили в России. Я не могу вспомнить, в каком поколении, но очень давно, наверное, ещё при Петре Великом, мои предки приехали и осели в России, стали её гражданами, давно утратив какие-либо связующие нити с Германией...

Фладунг замолчал, снял очки – круглые металлические колёсики с толстыми, поцарапанными линзами и отломанной левой дужкой, которая была старательно прибинтована к остальной оправе узеньким лоскутком, уже изрядно засаленным. Платком, чуть почище этого лоскутка, долго и старательно протирал стёкла. Потом поднял на Григория близорукие, по-детски беззащитные глаза:

– Меня допрашивал следователь Новиков.

– Тот, что меня приволок?

– Нет, тот другой, помоложе.

– Знаю такого... – Кусмарцев сочувственно посмотрел на собеседника. Работающий в третьем отделе сержант госбезопасности Новиков, однофамилец прямого начальника Григория, с арестованными не церемонился, протоколы предпочитал заполнять «методом кулака»[16].

– На допросе били?

– Нет... – отчего-то растерялся Фладунг.

– А чем дело кончилось?

– Вы понимаете, Григорий... – заторопился собеседник. – В этом-то и всё дело! Поначалу задавал чудовищные вопросы! Кого я завербовал в ряды германских шпионов? Помилуй Бог, отвечаю ему, какие шпионы, какая Германия?! Я её и не видел-то никогда. Папа тридцать лет проработал на станции Сталинград, там мы всегда жили, там и я родился в девятьсот четвертом...

– Одногодки...

– Да? Очень приятно... если это подходит к нашему нынешнему положению, – горько вздохнул Павел Павлович и, спохватившись, снова затараторил, нервно жестикулируя. – И вот уже три недели меня больше не вызывают. Товарищ... э... гражданин следователь Новиков мне тогда сказал, чтобы я подумал хорошенько, – и всё! Сажу и не знаю...

– Разберутся... – Кусмарцев мысленно выматерился – во как, сам тоже не оригинальнее Новикова. Но интерес к Фладунгу сразу потерял, отчего, скорее машинально, вырвалось:

– Дыма без огня не бывает...

– Как вы сказали? Почему?! Но я...

Кусмарцев отвернулся. Подоплёки издания приказа «по иностранцам» он не знал – не его ума и служебного положения дело, но, знакомясь с обзорами НКГБ и читая газеты, рассуждал логически. Без указания Сталина, конечно же, под маховик репрессий не могли попасть те, кто стоял у истоков международного революционного движения, активно участвовал в нём, будучи глубоко убеждёнными, что коммунистическая идея несовместима с режимом абсолютной личной власти. Но разве не может быть так, что вожди Коминтерна возомнили себя вершителями судьбы коммунистического движения, разделили убеждения Троцкого и Бухарина?

Кусмарцев был убеждён, что всё так и есть. Поэтому приказ наркома, который требовал «попристальнее» взглянуть на бывших иностранных граждан, с какого бы времени они ни являлись гражданами СССР, он, чекист и коммунист, воспринял, как и подобает ответственному работнику органов. И по-иному не думал никогда! Растерянное недоумение Павла Павловича Фладунга расценил однозначно: может быть, «огня» за сокамерником и не найти, но «дымок» – гнильца иностранная! – безусловно присутствует. Зазря органы не привлекут!

...Зазря-то зазря, но уже 10 февраля, а он, Григорий, по-прежнему в камере. Девятнадцатые сутки ареста пошли! И никаких вызовов к следователю, к начальству. Вдруг подумалось: это штучки Новикова! Подлянку, гадёныш, устроил за прямой и откровенный разговор. Ничего, потерпим... Григорий с мстительной радостью представил, как он обратится к прокурору. Не какой-то он там в сам-деле контрик, чтобы его уже две декады запросто держать в подвале, да ещё в чекистской форме, среди этих...

Уже и думать забыл о первых днях – той позорнейшей прострации, в кою поначалу впал. Наоборот, теперь каждую ночь подолгу бдел, зорко присматривая за измученными и беспокойно спящими людьми. Бдел и переполнялся волнами возмущения – это же подсудное дело! Затолкать чекиста в камеру к «контре»! Да когда же это кончится, мать вашу! Уже три недели произвола!!!

«Ничего, потерпим, – повторял себе, тяжёлым взглядом обводя сокамерников, – потерпим, но уж потом – не обессудьте, граждане начальнички!» Воочию представилось общеуправленческое партийное собрание, на котором в пыль и прах коммунисты растирают Новикова, Чепенко, Попова...

Среди ночи загремели замки, лязгнула тяжёлая дверь.

– Кусмарцев! На выход!

Двое дюжих надзирателей (их кирпичные морды постарался запомнить хорошенько, мысленно включив обоих в свой список обидчиков и врагов) привели в кабинет Перского. Особоуполномоченный и головы не поднял, изображая страшную занятость – что-то сосредоточенно писал. Зато развалившийся на стуле помощник Перского Ванька Попов встретил Кусмарцева недоброй ухмылкой. «Эту суку – в первую десятку списка!»

– Шестого февраля истёк срок дисциплинарного взыскания. Требую освобождения! – Григорий решил с порога взять быка за рога. – Ну что, наигрались, начальнички?

Попов, с которым был выпит не один стакан, но которому – из-за этого вдвойне! – Кусмарцев не мог простить подлого удара по печени, стёр с лица ухмылку и стальным взглядом упёрся куда-то поверх головы Григория. Хрипло осведомился:

– Гражданин Кусмарцев Григорий Павлович?

«Бл...ский род! – выругался про себя Григорий. – “Гражданин”, морда клином... Да что же это такое?!» И внутренне холодея, только и выдавил:

– Ну...

– Уполномочен товарищем Перским ознакомить вас, гражданин Кусмарцев, с ордером на ваш арест, подписанным начальником...

Что-то словно оборвалось у Григория внутри, ухнуло вниз. И словно ударная волна надавила изнутри на барабанные перепонки. Почувствовал, как разом резко вспотели ладони, по спине скользнула предательская струйка пота. Тупо уставился на Попова.

А тот, уже внимательно разглядывая Григория, протянул листок грубой серой бумаги. «Ордер... Кусмарцев... арестовывается... Нач. УНКВД по ЧО майор г/б Хорхорин. 9 февр. 38-го г.», – только и прочитал Григорий.

Не к месту в голове мелькнуло: «А как же пятнадцать суток дисциплинарного ареста?..» Как стоял, силясь перечитать неровные, скачущие машинописные слова на серой бумаге, так и рухнул во весь рост навзничь.

Попов носком сапога брезгливо повернул лицо потерявшего сознание к свету. Сделал шаг назад, скомандовал конвоирам:

– Тащите в одиночку, растуды его в качель! Барышня сраная! Попьёт ещё крови, вражина! Чё застыли?! В одиночку, я сказал!

Но тут же оглянулся на Перского. Тот кивнул, с усмешкой разглядывая лежащего.

Дюжие молодцы схватили Кусмарцева за руки и ноги, поволокли к дверям.

– Стой! – спохватился Попов.

Надзиратели послушно замерли, не опуская Григория на пол. В сознание он так и не приходил. Отведя взгляд от резко выпятившегося кадыка Кусмарцева, Попов медленно наклонился и потянул из скрюченных пальцев бланк с лиловой печатью. – Документик, «барышня», придётся оставить. В дело подошью. – Кивнул надзирателям: – Тащите...

Глава пятая. Макаренко, май 1938 года

28. Местами лишения свободы являются:

А. Изоляторы для подсудимых.

Б. Пересыльные пункты.

В. Исправительно-трудовые колонии: фабрично-заводские, сельскохозяйственные, массовых работ и штрафные.

Г. Учреждения для применения к лишенным свободы мер медицинского характера (институты психиатрической экспертизы, колонии для больных).

Д. Учреждения для несовершеннолетних лишенных свободы (школы ФЗУ индустриального и сельскохозяйственного типа)...

34. В колонии для массовых работ, находящиеся в отдаленных местностях, направляются лишенные свободы из среды классово-враждебных элементов, а также те трудящиеся, которые по характеру совершенного преступления являются наиболее классово-опасными, вынуждающими применение к ним более сурового режима.

В остальные колонии массовых работ могут направляться как указанные выше категории лишенных свободы, так и трудящиеся, совершившие преступления, не относящиеся к наиболее классово-опасным; к этой последней категории лишенных свободы применяется режим, установленный для содержащихся в сельскохозяйственных колониях.

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (введён в действие 1 августа 1933 г.)

– Товарищ майор государственной безопасности! Лейтенант Чепенко по вашему приказанию прибыл!

– Садись. Я тебя не каблуками щёлкать вызвал, – недовольно глянул на инспектора начальник управления. – Чепэ у нас в Петровске-Забайкальском. Или в Красном Чикое, если под другим углом посмотреть... Короче, вот какая картина: четыре урода из Красночикийского райотдела тринадцатого-четырнадцатого января конвоировали из Чикоя в Петровск арестованных... – Хорхорин отыскал в лежащей перед ним бумаге фамилии, – Дягтерёва и Нагаеву. Первый – бывший заврайоно, а эта Нагаева – бывшая завшколой в селе Шинка. Проходят они по делу правотроцкистской учительской организации, выявленной в районе. Так вот, эти хреновы конвоиры в дороге пьянствовали, да ещё вдобавок якобы дважды изнасиловали Нагаеву. Всё бы ничего, но с ними вместе в Петровск ехали пятеро девок – учащихся Петровск-Забайкальского педучилища! – Начальник управления выругался. – Вот на хера надо было этих свиристёлок с собою брать?! Конвой есть конвой! Так нет, жалостливые! Как же, опоздают соплюшки на занятия! А тут транспорт позволяет – трёхтонка. – Хорхорин снова выругался. – В общем, Чепенко, займись этим делом. Огласку получило – дальше некуда. Учащиеся написали письмо в райком комсомола, оттуда сразу же сообщили в наше райотделение, те факт проверили. Вот почитай, что их оперуполномоченный Ананьев накопал.

Чепенко уткнулся в протянутый ему начальником рапорт:

«Факты, изложенные в заявлении уч-ся П.-Заб. педучилища, действительно имели место... Уполномоченный Михайлов Михаил Васильевич и другие конвоиры (Чуркин, Аришулик, Яковлев) следовали с Красного Чикоя в Петровск-Забайкальский с арестованными Дягтерёвым и Нагаевой, занимаясь пьянством в пути следования.»

Арестованный Дягтерев Василий Корнилович, бывший зав. РОНО, по показаниям свидетелей и самой арестованной Нагаевой Ю. И., проходит как один из руководителей право-троцкистской организации по Красночикойскому району...

Арестованная Нагаева Юлия Ивановна, 1902 г. рождения, бывшая зав. школой с. Шинка Красночикойского района, также проходит по делу право-троцкистской учительской организации. Факты избиения и издевательств над арестованными со стороны конвоиров своего подтверждения не нашли.

Считаю, что так как конвоиры пьянствовали, арестованным была дана возможность договориться, потому что их никто не охранял.

Взятый на допрос Дягтерев заявил, что “Нагаева Ю. И. на меня показания дала, потому что ее заставили стоять подряд 5 суток и т. д., она мне об этом говорила, когда нас везли в Читу”. Также Дягтерев показал, что уполномоченный Михайлов М. В. в пути следования угощал водкой арестованных. Дягтерев показал: “Давая мне водку, Михайлов сказал: “На, пей, сохнешь – не жалко, все равно арестованный!”»

– Так... Пить пили, но изнасилования не подтверждается... – проговорил Чепенко.

– Ага, деточки насочиняли! – побагровел Хорхорин. – Не прикидывайся идиотом, лейтенант! Всё было, к маме не ходи! Петровские своих выгораживают, да только с такой оглаской всё это – мёртвому припарки! Думай, раз ты инспектор по особым поручениям, как из этого дерьма выскребаться будем!

– Полагаю, товарищ майор, жахнуть их надо по административной линии – уволить к чертям собачьим, а местному комсомолу это до учащихся педучилища довести, мол, так и так, меры приняты...

– Слушай, Чепенко, – прищурился начальник управления, – а ты слыхал о такой народной мудрости: «Бьют не за то, что украл, а за то, что попался»? Не-ет, спустить на тормозах тут никак не получится. Да и ни к чему. Забирай-ка, Чепенко, все эти бумаги, оформляй не рассусоливая следственное дело – и в трибунал[17]. Пусть народ видит, что органы НКВД за чистоту чекистских рядов ведут самую беспощадную борьбу!

Инспектор внутренне поморщился. Лицемерит начальник! При чём тут чистота рядов... Вся борьба к одному сводится – очистить «контору» от приспешников бывшего, Петросьяна, чтобы все Хорхорину в рот смотрели и на цырлах стояли. То же Петровск-Забайкальское райотделение взять – давно ли прогремели в хорхоринском приказе? Начальник отделения Ермаков, оперуполномоченные Хацкалов, Кипнис, Подвойский арестованы, как не сделавшие правильных политических выводов. Мало того что по кулачью следствие затягивали, сорвав все сроки окончания следственных дел, так ещё и невинные у них обнаружили – повыпустили из-под ареста ораву самого что ни на есть контрреволюционного элемента. Отдел кадров Петростроя им справки на сотню с лишним антисоветчиков и вредителей передал, а толку? Заволокитили, суки!

...Я ещё в октябре прошлого года в районные отделения указание разослал, чтобы в целях проявления рабочими, колхозниками, красноармейцами революционной бдительности органы вели широкую работу по написанию народом заявлений, способствующих разоблачению шпионов-диверсантов и троцкистско-бухаринских агентов иноразведок... – продолжал, как с трибуны, вещать Хорхорин. – И что выяснилось? В ряде отделений даже учёта таких заявлений нет! А почему, а, Чепенко? А потому, что люди не видят быстрого реагирования по поданным заявлениям, партийно-советские органы массовой разъяснительной работы не ведут... Я бы даже сказал, что некоторые наши местные подразделения не пользуются у граждан доверием. Да, именно так! А это уже опасно! Явные враги народа остаются безнаказанными! Авторитет органов падает!..

– Тут ещё, товарищ майор, по Букачаче волокита прослеживается... – осторожно сказал Чепенко, пытаясь остановить поток начальственного красноречия.

– То есть? – осёкся Хорхорин.

– Ваш помощник, капитан Слюсаренко, им телеграмму отбил, чтобы активнее снимали банды, прочие контрреволюционные организации и ускоряли следствие по этим делам. Предписано триста дел на тройку оформить по контре, но пока ни шатко ни валко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.